

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ
СЕРГЕЙ ГЛАЗЬЕВ
АЛЕКСАНДР НАГОРНЫЙ
ЛЕОНИД ИВАШОВ
МИХАИЛ ДЕЛЯГИН
МАКСИМ КАЛАШНИКОВ

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА 2.0

СТРАТЕГИЯ
РУССКОЙ ПОБЕДЫ

Коллекция Изборского клуба

Александр Проханов

**Холодная война 2.0.
Стратегия русской победы**

«Книжный мир»

2015

Проханов А. А.

Холодная война 2.0. Стратегия русской победы /
А. А. Проханов — «Книжный мир», 2015 — (Коллекция
Изборского клуба)

ISBN 978-5-8041-0745-2

В конце 2013 года США и их союзники начали, а в 2014 году открыто объявили войну против России. Войну ранее небывалого типа, которую сегодня называют «новой холодной войной», DIME-войной («горяче-холодной», или «гибридной» войной), «hold-war» («hold» – контаминация слов hot, «горячий» и cold, «холодный», имеющая в английском языке также и собственное значение: «выдержка», «терпение», т. е. «война как испытание прочности»), а также «глобальной хаотической войной». Уже известные технологии «информационной войны» и «цветных революций» дополняются технологиями террористического подполья, запретительных санкций и манипуляциями на глобальных рынках: сырья, услуг, финансов и т. д. Участники и эксперты «Изборского клуба», созданного по инициативе писателя Александра Проханова, в своей новой книге раскрывают различные аспекты тех системных угроз со стороны Запада, с которым столкнулась современная Россия: от причин их возникновения до путей к новой Победе. Как стать свидетелем новой Русской Победы расскажут Александр Проханов, Сергей Глазьев, Владимир Овчинский, Елена Ларина, Виталий Аверьянов, Александр Нагорный, Александр Агеев, Шамиль Султанов, Андрей Кобяков, Сергей Батчиков, Леонид Ивашов, Олег Розанов, Юрий Тавровский, Михаил Делягин, Георгий Малинецкий, Сергей Черняховский, Максим Калашников, Валерий Коровин, Владислав Шурыгин, Олег Платонов, Владимир Бондаренко, Евгений Тарасюк, Александр Маслов и другие.

ISBN 978-5-8041-0745-2

© Проханов А. А., 2015

© Книжный мир, 2015

Содержание

Александр Проханов	6
Сергей Глазьев, Сергей Батчиков, Андрей Кобяков	10
Владимир Овчинский, Елена Ларина	28
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Проханов, Сергей Глазьев, Александр Нагорный, Леонид Ивашов, Михаил Делягин, Максим Калашников и др. Холодная война 2.0. Стратегия русской победы

Александр Проханов Змея «Холодной войны» и всадник в золотом доспехе

Запад обрушил на наши головы каскады тьмы. И теперь мы в полную меру понимаем, что значит посткрымский период российской истории. Санкции, дискриминационные списки, отказ в технологиях, эмбарго. С нами не хотят сотрудничать в военной и антитеррористической областях. наших артистов не пускают на заграничную эстраду, отказывают в концертных залах. «Дело ЮКОСа». «Дело Литвиненко». Диффамация нашей Родины, наших политиков, культурных деятелей колоссальна. Запад представляет нас империей тьмы, империей всемирных катастроф. Всё чаще на Западе говорят, что начинается «холодная война».

«Холодная война» вползает на русский порог. Не отрекитесь от неё, не прячьтесь от неё под кровать, не отводите глаз от её змеиных зрачков.

«Холодная война» – это воздействие на соперника, в результате которого разрушается государство, очень часто без единого выстрела. Советский Союз, могучая красная империя, погиб в результате холодной войны, когда после перестройки от государства, у которого отняли все опоры, всего его символы, все смыслы, от государства осталась огромная бесхребетная медуза, расплывшаяся между трёх океанов. И государство, обладавшее гигантской военной мощью, чья армия была способна достичь Пиренеев и Бискайского залива в течение двух-трех суток, – было взято без боя, распалось без единого выстрела. Наш человек оказался нестойким, зыбким, дряблым. Он искусился на великие соблазны, не пошел защищать свою Родину, отдал ее на разграбление и гибель.

Это не должно повториться. Российский гражданин должен обладать целостностью сознания, крепостью воли и духа. Должен верить в высшие смыслы и в высшие ценности, ради которых стоит сражаться и умирать. Эти ценности, высшие смыслы даруются нам верой, даруются религией. Они даруются нашим гражданам великим традиционным исламом. Эти смыслы и ценности даруются нам божественным православием. Каждый алтарь, каждый храм, каждая вновь возведенная обитель – это система обороны, это опорный пункт, который отражает от нашей Родины потоки тьмы, атаки ненависти и негодования. Ибо каждая молитва, каждый выход в небеса возвращает нам потоки света, который омывает души отдельного человека или корпорации, или завода, или гарнизона, или любой, даже самой маленькой, государственной ячейки, наполняя ее высшим смыслом. Ракетно-ядерный щит заслоняет нас, обеспечивая целостность и суверенитет нашим великим пространствам.

Покров Богородицы заслоняет нас божественным куполом, сквозь который да не проникнет тьма, что посылается на Россию силами мирового зла.

Мы присоединили Крым. А вместе с Крымом присоединили Херсонес. Этот удивительный храм, этот удивительный град, окруженный розами, среди лазурного сияния моря. Здесь «во дни оны» свершилось крещение Руси. Князь Владимир воспринял светоносную энергию, светоносную красоту и божественный замысел, именуемый православием. И от него, Владимира, этот свет хлынул на весь великий Евразийский континент. Присоединение Херсонеса к России является символическим вторым крещением Руси. И второй индустриализации России сопутствует вторая христианизация.

Холодная война предполагает горячие вспышки. В этих условиях, которые продлятся не день и не два, нашим политикам предстоит проявить длинную волю. А нашему народу – долгое дыхание. В ответ на эти напасти Россия предпринимает беспрецедентные темпы модернизации оборонного комплекса, резко ускоряет «вторую индустриализацию» страны.

Я видел на стапелях знаменитого Северодвинского «Севмаша» замечательный «наутилус» «Юрий Долгорукий», который вступил в боевой состав Северного флота. В Тульском КБ приборостроения видел восхитительные «Панцири», которые способны на малых высотах поражать армады крылатых ракет. На оборонном заводе Волгограда видел бесподобные «Искандеры». Во время недавней поездки в Комсомольск-на-Амуре на авиастроительном заводе видел истребитель пятого поколения. А на судостроительном заводе, который, утверждали, приказал долго жить, видел, как строятся новые фрегаты, видел поступившую туда на модернизацию подводную атомную лодку.

Однако оборонные усилия не могут до конца обеспечить нам безопасность. «Холодная война» воздействует на государство-соперника с целью его разрушить, не используя для этого авианосцы, сверхточное оружие и орбитальные группировки. Особым атакам подвергается народное сознание русских. В него вонзаются клинья. Нас хотят перессорить друг с другом. Возродить давнишнюю распрю «красных» и «белых», православных и мусульман, верующих и неверующих, богатых и бедных. И эти зоны, эти трещины, куда вонзаются клинья раскола, мы должны тщательно охранять. Мы не должны поддаваться на эти великие искушения и на великие напасти.

Сегодня, как никогда, важна консолидация всего народа вокруг русской идеи, вокруг государственной идеи, вокруг наших патриотических лидеров, вокруг президента. Он действует в обстоятельствах, которых ещё вчера не было, о которых, быть может, не подозревает никто из нас. Ему сегодня крайне сложно. На него навалились огромные грузы и огромное бремя. Поэтому еще раз – консолидация, терпение, длинная воля вождей и долгое свободное дыхание нашего великого народа. Нам не привыкать сражаться, не привыкать выдерживать огромное давление истории. Вся русская история – сопротивление мировой тьме. Русская Победа – одоление этой тьмы.

«Холодная война» создаёт такие колебания и вибрации в стане противника, что столп государства начинает крошиться и рушиться.

Россия, несмотря на множество партий и парламентские процедуры, на калейдоскоп выборов, попрежнему – централистское государство. Оно персонифицировано Путиным. Путин является замковым камнем государства российского. Раскрошить этот камень, вырвать его из свода, удалить из купольной кладки – и Россия рухнет, потеряет своё государство, обрекая народ на ужасы, сравнимые с февралём семнадцатого или с августом девяносто первого года.

На Путина направлены мощные, видимые и невидимые, лучи. Его стараются запугать, увеличивая группировки НАТО по всему периметру русского государства. Хотят сломать его волю, подрывая русскую экономику и финансы. Его обольщают, как обольщали Горбачёва, искусившегося на высокие европейские и всемирные статусы. Желают сбить с толку, направ-

вить на ложные цели. Западные газеты полны клеветы и мерзости, обрушивают на Путина водопады липкой грязи.

На сегодняшнюю Россию вновь направлены агрессивные ядовитые воздействия. Воздействуют на институты власти, на культуру, на социум, на экономику. Главный удар направлен на президента России. Ибо президент России является замковым камнем государства Российского. Расшатай этот камень, разрушь, вырви его – и рухнет весь свод. И повторится трагедия 91-го года, когда Россия осталась без государства.

Президента обманывают, президента оскорбляют, президента запугивают, президента искушают, его обволакивают лъстивой патокой. Рядом с ним тайно или явно насаждают его врагов и противников. Перед ним ставят ложные цели. В Москве пузырятся митинги, движутся ревущие «марши мира». И всё это для того, чтобы сломать волю президента, усыпить бдительность, изменить его курс.

Принц Чарльз сравнивает Путина с Гитлером. Принц Чарльз – это не трутень английского общества, не бессмысленный балбес или престарелый бонвиван. Это представитель европейских династий, представитель старой европейской аристократии, которая сегодня опять всплывает из тёмных пучин европейской истории и направляет свою энергию против России. Два американских разведчика, агенты ЦРУ, два мнимых отставника угрожают Путину террористическим актом. Один разглагольствует о ракете «земля-воздух», которая может сбить «борт номер один». Другой, угрожая Путину, говорит, что его могут вынести вперёд ногами из Кремля. А совсем недавно канал «Евроныйос» показал сюжет, где украинские военные на полигоне расстреливают вместо мишени портрет Путина, раскрашенный под Гитлера.

Что это: курьёз, ошибка, мелкая пакость? Нет. В холодной войне против государства Российского используются не только политехнологи, специалисты по социальной психологии. Не только специалисты по теории образов или теории хаоса. Но используются маги, кудесники, волшебники, волхвы, звездочёты. Вся та средневековая культура, которая многим в наш рациональный век кажется бессмысленной и старомодной.

Но, вспоминая Шекспира, скажем: «Есть многое на свете, друг Горацио, что неизвестно нашим мудрецам». Стрельба в портрет Путина – это луч тьмы, который вонзается в президента, как вонзается игла колдуна в фотографию жертвы, ослепляя, если вонзается в глаз. Или вызывает сердечный приступ, если вонзается в сердце.

В журнале «Шпигель» опубликована «утечка» из секретного доклада немецкой разведки о том, что в России сложился против Путина олигархический заговор. Этот заговор весьма вероятен. После присоединения Крыма к России и войны в Новороссии Запад наносит удар за ударом по российским богачам, замораживая их деньги в западных банках, отсекая их от громадной мировой кормушки.

Заговор просвечивает сквозь статьи и передачи либеральных СМИ, которые пеняются и клокочут от ненависти. Поводом для этой ненависти являются не только Крым и восставший Донбасс. Усиление государства российского, любое его возрастание вызывают эту клокочущую ненависть. Будь то оборонная политика и создание новых образцов оружия, или защита русской Арктики от возможных посягательств, или строительство заводов и рудников на востоке страны – всё ненавистно, всё возмущает.

Путину не могут простить его виртуозной политики, когда он в разные периоды своей деятельности в смертельно опасной игре обошёл олигархов, приструнил обезумевшее телевидение, подавил террор на Кавказе, разгромил болотную фронду. Ненависть, которую питают к нему либералы, не политическая, не социальная. Эта ненависть – религиозная, метафизическая.

В своей Валдайской речи Путин бросил Западу страшное обвинение, уличил Запад в попрании традиционных христианских ценностей. Говоря о сложившейся на Западе фаб-

рике, продуцирующей зло, Путин бросил Западу метафизический вызов, неявно назвал его Содомом, этим гнусным библейским городом, куда Господь направил ангелов, и развращённые содомиты, одержимые гомосексуальным безумием, хотели их изнасиловать.

Такого не прощают. Путин обнаружил тайник, укрытый в недрах разноцветной западной цивилизации, указал на адскую тьму, наполняющую этот тайник. Призвал народы противиться этой тьме. После Валдайской речи Путин стал духовным лидером той части человечества, которая отрицает либеральный распад, противится родившемуся в западной цивилизации чёрному античеловечеству.

Навязанная нам «холодная война» – это не только война информационных технологий. Не только война культур и художественных образов. Это война религий, война метафизических смыслов, схватка добра и зла.

Нельзя победить в «холодной войне», уповая на гуманитарные технологии, экономические воздействия, информационные удары. В «холодной войне» победит тот, кто одолеет в схватке метафизических ценностей. Чей образ мира станет образом будущего, чья мечта станет мечтой всего человечества.

Как защитить президента? Конечно, Федеральная служба охраны усилит свою бдительность. Сегодня в монастырях и приходах молятся за президента, стремясь окружить его коконом света, непроницаемым для враждебного тёмного луча, охраняют его Покровом Богородицы. Народное признание Путина, огромный 80-процентный рейтинг его популярности – это источник энергии, из которого президент черпает своё вдохновение.

Но главным защитником Путина является само государство Российское. Не институты, не парламент, не армия, не госбезопасность. А великая таинственная субстанция русской истории, именуемая государством. Государство, которое в девяносто первом году опрокинулось в пропасть и превратилось в пепел и прах, медленно, неуклонно, со всё большим ускорением поднимается. И в своём восходящем стремлении оно непобедимо, оно незыблемо. Потому что в нём действует сама судьба. И это государство выбрало Путина для того, чтобы он руководил историческим процессом в России. Не он строит государство. А само государство строит его. Формирует его сознание, управляет его политическими решениями, ведёт его по лезвию бритвы, проводит через минные поля, сквозь скалы и перекаты мучительной современной истории.

«Марш мира», что прокатился по Москве, есть марш бесов, которых Христос загнал в свиней, а те, обезумев, кинулись в море и утонули, быть может, в заливе Свиней, недалеко от побережья Кубы.

Путин не может сдаться, не может уйти с поля брани, не может оставить Россию, которая для него – судьба.

Россия, которая находится под натиском страшных сил, опирается на две твердыни, на две мощи: на оборонные заводы и алтари. В них – гарантия нашего суверенитета и нашей безопасности. Государство российское, пережив крушение в девяностые годы, встаёт из праха. Таинственная сила, возвращающая государство российское, управляет президентом Путиным, его волей, сознанием. Наделяет прозорливостью, подсказывает выход в самых мучительных международных коллизиях. Замыслы Путина совпадают с замыслом русской истории. Этот великий исторический замысел неодолим и не подвержен распаду.

Змея «холодной войны» с шипением вползает на русский порог. Навстречу ей мчится всадник в золотистом доспехе, вонзает копьё в её зловонную пасть.

Сергей Глазьев, Сергей Батчиков, Андрей Кобяков

Встать в полный рост

(Доклад Изборскому клубу)

О необходимых мерах финансово-экономического противодействия глобальной хаотической войне против России

Экономические мотивации агрессора по развязыванию войны

Научные исследования долгосрочных закономерностей мировой экономической и политической динамики свидетельствуют о высокой вероятности возникновения весьма опасных для России глобальных военно-политических конфликтов в ближайшие пятьдесят лет.

С точки зрения циклов мирового экономического и политического развития, период 2015–2020 гг. соответствует периоду 1939–1945 гг., когда разразилась Вторая мировая война. Конфликты в Северной Африке, Ираке, Сирии и на Украине – только начало целой череды взаимосвязанных конфликтов, инициируемых США и их союзниками, стремящимися с помощью стратегии «управляемого хаоса» решить свои экономические и социально-политические проблемы¹.

Эти проблемы объективно периодически возникают вследствие перенакопления капитала в устаревающих и теряющих свою конкурентоспособность производственно-технологических комплексах. Развязывание войны позволяет надеяться на их решение: как за счёт перехода к модели мобилизационной экономики и соответствующего роста госрасходов, так и за счёт поверженных стран, ресурсы которых используются для осуществления задач модернизации экономики страны-победителя. Так, США за счёт Европы обеспечили структурную перестройку и подъём своей экономики в результате Второй мировой войны, за счёт СССР – выход из очередного структурного кризиса в результате «холодной войны» второй половины XX века. Производимая ими сегодня эскалация военно-политической напряжённости призвана решить аналогичные задачи в современных условиях.

Создавая «управляемый хаос» организацией вооружённых конфликтов в зоне естественных интересов ведущих стран мира, США сначала провоцируют эти страны на втягивание в конфликт, а затем проводят кампании по сколачиванию против них коалиций государств с целью закрепления своего лидерства. При этом США получают недобросовестные конкурентные преимущества, используя политическое влияние для удержания монопольных позиций своих корпораций, отсекают неконтролируемые ими страны от мировых рынков, сбрасывают бремя государственного долга за счёт замораживания долларовых активов этих стран, что позволяет увеличить государственные расходы на разработку и продвижение новых технологий, необходимых для роста американской экономики.

Как показывает история, происходящая в настоящее время смена технологических укладов и связанных с ними больших циклов экономической активности всегда идёт через глубокие депрессии и финансовые кризисы, разрешаемые военными средствами. На сегодня

¹ В.И. Пантин. Аналитическая записка «Наиболее вероятный прогноз развития политических и военных конфликтов в период 2014–2018 гг.».

потенциал роста доминирующего технологического уклада исчерпан. Выход на новую длинную волну экономического роста связан со становлением нового технологического уклада, основанного на комплексе нано-, биоинженерных, информационно-коммуникационных и когнитивных технологий, для подъёма которого необходимо резкое увеличение расходов на НИОКР и инвестиций в создание новых и модернизацию существующих производственных мощностей.

Развязывание мировой войны (не важно, в какой форме: «горячей», «холодной» или, как в нынешних условиях, в форме «гибридной» хаосовой войны) позволяет обосновать многократное увеличение государственных расходов на обеспечение роста нового технологического уклада. В этом заключается фундаментальная мотивация властвующей элиты США в дестабилизации мировой военно-политической обстановки и провоцировании вооружённых конфликтов. Дополнительным фактором усиления данной мотивации является смена вековых циклов накопления капитала, которая сопровождается подъёмом Китая и перемещением центра глобального экономического развития в Азию². Чтобы помешать этому процессу и сохранить глобальное лидерство, американская олигархия стремится всячески ослабить и ограничить развитие главного геоэкономического и геополитического конкурента, одновременно расширяя ресурсную базу и сохраняя монопольные позиции своей экономики за счёт провоцирования региональных войн в Евразии. Важнейшей задачей этих войн является подчинение своим интересам ЕС, России, стран Ближнего Востока, Средней Азии, закрепление американского влияния в Японии и Корее. Центральным направлением американской агрессии при этом становится Россия, установление контроля над которой позволит США получить абсолютное стратегическое превосходство над Китаем и сохранить доминирующее положение в мире.

Западный фронт войны против России

В рамках этой стратегии последовательная линия США на эскалацию украинского конфликта проводится для втягивания России в военное столкновение с Украиной с целью разжигания войны в Европе, следствием которой станет ослабление и, возможно, распад участвующих в ней сторон в интересах американского господства. США также стремятся создать условия и международно-правовую основу для вовлечения в войну против России стран ЕС и сколачивания антироссийской коалиции стран НАТО под предлогом «защиты Украины от российской агрессии». Так формируется западный фронт глобальной хаотической войны против России. На востоке США усиливают давление на Японию и Корею, заставляя их финансировать модернизацию и расширение систем ПРО, направленных против России и Китая. Последнему тем самым делается предупреждение о недопустимости вхождения в военно-политическую коалицию с Россией. Одновременно США готовят развёртывание южного фронта хаотической войны против России и её союзников в Средней Азии с участием талибов из Афганистана и исламских боевиков, финансируемых Катаром и Саудовской Аравией.

Использование Украины в качестве средства и жертвы идеально для США, поскольку позволяет расколоть Русский мир, лишив Россию естественных союзников, и, выставив ее агрессором, подчинить себе Евросоюз и консолидировать своих партнёров по всему миру. Сама же война, по замыслу США, будет идти между частями Русского мира и за их же счёт. Это исключает применение Россией оружия массового поражения. При этом США окупают свои расходы, захватив в качестве бонуса рынок ядерного топлива Украины, её газотранс-

² А. Айвазов. Периодическая система мирового капиталистического развития. / <http://www.business-gazeta.ru/article/50466/>

портную инфраструктуру и месторождения сланцевого газа. Война дестабилизирует Европу, провоцируя бегство капитала и умов в США. И, самое неприятное для нас, – она уничтожает историческое ядро Русского мира, отрывая от России её православных и славянских союзников. Тем самым США выбивают из-под нас духовные, этнические и культурно-исторические основы идеологии воссоединения Русского мира. Размывается идейный фундамент евразийской интеграции, в котором остаются только экономические интересы, весьма противоречивые и далеко не во всём завязанные на Россию.

Из сказанного выше следует долгосрочный и системный характер антироссийской политики США на Украине. В настоящее время она перешла в открытую фазу формирования агрессивного русофобского режима с физическим истреблением и изгнанием русского населения. Боевые действия против Донецкой и Луганской народных республик используются для подготовки украинской армии, которую американские инструкторы и политики толкают против России. Под давлением американских наставников украинские политики натравливают общество на войну с Россией за Крым, отвоевание которого становится украинской национальной идеей. Реальной целью похода украинской армии на Крым, по планам американских стратегических планировщиков, будет не его захват, а втягивание России в военный конфликт ради развязывания против нее мировой войны с участием европейских стран НАТО.

После создания ассоциации Украины и ЕС украинскую сторону в вооружённом конфликте с Россией обязаны поддерживать страны ЕС. Таким образом, Россия рискует оказаться в состоянии войны с Украиной и НАТО, которая будет усугубляться подрывом нашего влияния в СНГ и международной изоляцией. На границе с Россией украинские власти разместят военные базы с участием воинского контингента европейских стран НАТО, введут визовый режим и обрежут кооперацию в оборонной промышленности. Такой сценарий развязывания мировой войны против России чрезвычайно выгоден США, которые решают задачу сохранения глобального доминирования за счёт Русского мира и Европы без существенных затрат и рисков со своей стороны.

Общие предпосылки предотвращения войны

США стремятся втянуть Россию в военные конфликты, чтобы измотать и экономически обескровить её, а также изолировать от мирового рынка новейших технологий, как это было в ходе войны Советского Союза в Афганистане. Однако возможности не допустить развития событий по этому сценарию существуют.

С 2017 года в США начнётся новый избирательный цикл, который, по всей видимости, будет замешан на русофобии как идейной основе очередного «дранг нах остен». К этому времени потребность в финансировании пирамиды долговых обязательств и модернизации экономики может превысить возможности долларовой финансовой системы. Либо она начнёт саморазрушаться, либо правительству США придётся резко сбрасывать расходы, отказываясь от неподъёмных затрат на развязывание международных конфликтов и претензий на глобальное доминирование. Если к этому времени удастся избежать развязывания мировой войны против России, а также если будет успешно проведена модернизация российской экономики и армии на основе нового технологического уклада, то актуальность угроз развязывания глобальной хаотической войны против России существенно снизится.

Необходимо отметить, что в рамках проводимой в настоящее время экономической политики проведение модернизации и успешное развитие российской экономики не представляются возможными. Структурная перестройка экономики и Вооружённых сил на основе нового технологического уклада требует не менее чем полуторакратного увеличения инвестиций и трёхкратного – расходов на НИОКР, при этом по основным направлениям его

роста они должны увеличиться в 4–5 раз. Это можно сделать только на основе резкого расширения кредита в сочетании с развёртыванием системы стратегического планирования и управления НТП, активной инновационной и промышленной политикой. Одним из важнейших условий этого является введение системы мер по прекращению вывоза капитала, дедолларизации и деофшоризации экономики. Необходимо также предпринять меры по снижению уязвимости России и Евразийского экономического союза от экономических санкций США и их союзников, что потребует создания независимых от них инфраструктуры платёжно-расчётных отношений, форм резервирования активов, способов поддержания международной кооперации производства.

Объективные основания для развязывания мировой войны против России, согласно долгосрочным прогнозам мировой экономической и политической динамики, сохранятся до 2023–2025 гг.³ Чтобы ее предотвратить, нужно успеть в короткие сроки, за ближайшие два-три года, создать антивоенную коалицию, а также развернуть структурную перестройку экономики на основе нового технологического уклада и вооружить армию передовой военной техникой, включая беспилотники, боевые роботы, средства ночного ведения боя, защищённые средства связи и системы управления. Становление нового технологического уклада открывает новые возможности разработки и применения высокоточного биологического оружия, информационных и когнитивных технологий, которые нужно использовать для укрепления системы национальной безопасности.

Три ключевые задачи

Чтобы сорвать стратегию США на развязывание мировой войны против России, необходимо решение трёх взаимосвязанных задач.

Первая и самая срочная задача – всемерное содействие прекращению военных действий на юго-востоке Украины и оказание всесторонней помощи в налаживании мирной жизни.

Вторая задача – разоблачение США как страны-агрессора, провоцирующей мировую войну с целью удержания глобального господства, подрыв американского доминирования в мире, разрушение проамериканской коалиции.

Третья задача – создание широкой антивоенной коалиции стран, способной согласованными действиями прекратить американскую агрессию. Вопрос о союзниках для России в нынешней фазе противостояния с США относится к числу важнейших. В качестве побудительной причины создания такой коалиции выдвинуть общие для них всех угрозы разворачивания США глобальной хаотической войны.

Действия антивоенной коалиции должны быть направлены не только на разоблачение и разрушение глобального доминирования США, но и, прежде всего, – на подрыв американской военно-политической мощи, основанной на эмиссии доллара как мировой валюты. Они должны включать отказ от использования доллара во взаимной торговле и долларовых инструментов для размещения валютных резервов. Долларовые активы должны оцениваться как крайне рискованные, а инвестиции в них – требовать максимального резервирования.

³ В.И. Пантин. Аналитическая записка «Наиболее вероятный прогноз развития политических и военных конфликтов в период 2014–2018 гг.». Опубликовано в newsdon.info 12 июля 2014 г.

Антивоенная коалиция – путь к альтернативному миропорядку

Создание широкой международной антивоенной коалиции тесно связано с вопросом о необходимости формирования нового мирового порядка и консолидированной силы, способной:

- противостоять модели глобализации по-американски и отстаивать альтернативные принципы организации международного сообщества в противовес гегемонии США;
- предложить более справедливую и нацеленную на развитие альтернативную финансово-экономическую модель в противовес основанной на долларе англосаксонской модели финансового неокOLONIALИЗМА и латентного ограбления большинства стран;
- модель развития человека, социума и общественных отношений, гармоничную традиционным ценностям подавляющего большинства человечества в противовес антисоциальной неолиберальной доктрине и постмодернистским антиценностям, нацеленным на распад личности, института семьи, на депопуляцию, на диктат гендерных меньшинств и социокультурную деградацию.

Принимая во внимание, что центральными в современном мироустройстве и в механизмах гегемонии являются финансово-экономические инструменты, основным полем борьбы должна стать именно эта сфера, где существует необходимость и возможность принятия неотложных решительных мер.

Подходящим случаем и удобной площадкой для инициирования конкретных программ формирования альтернативных механизмов может послужить предстоящий саммит БРИКС в Уфе 9-10 июля 2015 г., где следует поставить вопросы:

- о создании независимых эмиссионно-кредитных механизмов в рамках объединения, в частности, полноценного Фонда финансирования инвестиционных проектов;
- о создании независимой от США и ЕС международной платёжной системы и системы обмена межбанковской информацией, аналогичной SWIFT;
- о создании универсальной карточной платёжной системы для стран БРИКС и выпуске общей платёжной карточки БРИКС, объединяющей китайскую UnionPay, бразильскую ELO, индийскую RuPay, а также российские платёжные системы;
- о переходе на использование своих рейтинговых агентств;
- о резком наращивании торговых расчётов, платежей, кредитов в национальных валютах членов объединения;
- о расширении военно-технического сотрудничества и создании системы обмена информацией об угрозах вооружённых конфликтов.

От широкой коалиции – к формированию третьего полюса

Международная финансовая олигархия отстроила мировые правила игры под себя, что позволяет ей осуществлять глобальную гегемонию. Центральным элементом этой системы является монополия на эмиссию мировой валюты, которой является доллар. Оставаясь основной валютой, обслуживающей мировой товарооборот, доллар, по своей сути, является инструментом, позволяющим мировой финансовой олигархии латентно эксплуатировать народы стран, признающих его в качестве международного средства расчёта, то есть легальным, международно признанным мошенническим инструментом. Контролируя правила игры в международных финансах, международная финансовая олигархия принудила практически все страны к выплате ей дани.

Однако в настоящий момент сложившаяся система поставлена под вопрос в связи с появлением сильного геополитического и геоэкономического конкурента в лице Китая,

который всерьёз намерен оспорить права гегемона. Очевидно, что с изменением баланса мировых сил, вызванным бурным ростом экономик стран Юго-Восточной Азии, и в первую очередь КНР, рушится сложившееся однополярное мировое устройство, и человечество уже сегодня находится в очередной фазе нестабильности, предшествующей общемировому переделу сфер влияния.

Приступив к реализации политики «интернационализации юаня», Китай покусился на самое важное для международной финансовой олигархии – на доминирующее положение США в международных финансах и статус доллара, остававшегося до сего времени единственной и безальтернативной мировой валютой, то есть на те главные факторы, которые обеспечивают её могущество. И это вполне обоснованно было воспринято как вызов, брошенный ей китайской элитой. В рамках этой ключевой схватки самым опасным для международной финансовой олигархии становится объединение усилий Китая и России, ибо такой союз способен не только сдержать агрессивную экспансию Запада, но и радикальным образом изменить соотношение сил в пользу его главного конкурента. И международная финансовая олигархия пытается сыграть на опережение: свидетелем являются события, происходящие сегодня на Украине, санкционная война, объявленная России, искусственное ослабление рубля, дестабилизирующее российское общество, демонетизация российской экономики и высокие процентные ставки, являющиеся следствием противоречащей целям развития политики либеральных финансовых властей России, – всё это звенья одной цепи. Цель – ввергнуть страну в состояние острого социально-экономического кризиса и, расшатав её изнутри, привести к власти подконтрольное им руководство, чтобы, рассорив Россию с Китаем, использовать её в войне с ним, при необходимости – в качестве «ядерной дубинки».

По сути, все события, происходящие сегодня вокруг России, направлены на создание безопасных для Запада условий устранения главного конкурента – Китая, где самой России отведена роль политического инструмента. Данное обстоятельство диктует необходимость осуществления российскими властями решительных шагов, направленных не только на недопущение подобного хода развития событий, но и извлечения из складывающейся ситуации максимума политических дивидендов. Причём не только для себя, но и для всего человечества.

На первом этапе основным полем противостояния Китая и США будет мировой финансовый рынок, где в качестве оружия будут выступать доллар и юань. Но у Китая сегодня нет достаточно сильных и близких союзников, аналогичных союзникам США по блоку НАТО, и одной лишь его нынешней мощи недостаточно для противостояния Западу. И в этой ситуации единственным для него выходом является тесный военно-политический альянс с Россией, которая обладает стратегическим ядерным оружием, способным сдержать Запад. Причём Россия сегодня также нуждается в подобном альянсе с Китаем.

Однако следует иметь в виду, что возникновение российско-китайского альянса приведёт к образованию столь же неустойчивого, неизбежно конфронтационного, двухполюсного мира, способного лишь отсрочить большую войну. Избежать же её можно, лишь создав третий центр силы.

Оптимальной в плане обеспечения долгосрочной безопасности человечества могла бы быть трехполюсная конструкция мира, с его разделением на три самодостаточные монетарно-экономические зоны (по сути, цивилизации), где вершиной первого полюса был бы лидер Востока – Китай, второго – лидер Запада США, а третья зона, в отсутствие ярко выраженного лидера, была бы многоглавой, состоящей из стран, которые статусу «младшего брата» в двух первых зонах предпочтут статус равного в третьей.

У такой конфигурации мира будет немало преимуществ.

Во-первых, каждая из сторон будет заинтересована в сохранении сложившегося баланса сил, поскольку, в случае его нарушения и исчезновения одной из них, две оставшиеся окажутся в условиях биполярных конфронтационных отношений.

Во-вторых, в случае чрезмерного роста могущества одной из сторон, две другие, объединившись, могут принудить её к сдерживанию роста до паритетного уровня.

В-третьих, такая конфигурация будет самоподдерживающейся системой, в сохранении которой будут заинтересованы все три стороны.

Если с двумя первыми зонами все более или менее понятно, то контуры третьей пока размыты. Наиболее сильный ход, который мог бы оказаться решающим для ее образования, – достижение договорённости между двумя ключевыми странами: Россией, являющейся богатейшей по природным ресурсам страной мира и обладающей стратегическим ядерным оружием, и Индией, с ее полуторамиллиардным населением (и соответствующим размером рынка), с потенциалом экстенсивного роста как минимум на несколько десятилетий. Ресурсов двух этих стран вполне хватило бы для создания самодостаточного центра силы, способного конкурировать с двумя другими. Но в силу большей, чем у конкурирующих зон, демократичности этого ареала, к нему, с большой долей вероятности уже в первые же годы образования, примкнут такие мощные страны, как Бразилия, Иран, ЮАР и другие, которые роли сателлитов США или Китая предпочтут членство в третьей – независимой – зоне.

Таким образом, именно Россия сегодня является страной, способной бескровно восстановить глобальный баланс сил и спасти мир.

Конечно, новый мир возникнет независимо от участия России в его строительстве, но степень её влияния в нём будет зависеть от степени её активности на этапе его строительства. И оптимальной для неё ролью в миростроительстве была бы роль инициатора создания Третьей цивилизации, в случае возникновения которой Россия, при правильном позиционировании, обречена на статус её неформального лидера.

Евразийская интеграция как путь к формированию третьего полюса силы

В силу целого ряда причин, самыми благоприятными условиями по инициированию и созданию третьей зоны обладает Россия. Главная из них – это её статус лидера Евразийского экономического союза, на основе которого и можно будет создать третью зону. На пути к построению третьего глобального полюса силы необходимо активизировать работу по вовлечению в евразийский интеграционный процесс наших традиционных партнёров, ускорить подписание соглашения о зоне свободной торговли с Вьетнамом, начать соответствующие переговоры с Индией, Сирией, Ираном, Турцией, объединениями МЕРКОСУР и «Боливарианский альянс» в Латинской Америке.

Совершенно очевидно, что евразийский интеграционный процесс должен преподноситься не как вещь в себе, то есть не как сугубо региональный проект с ограниченными целями и ограниченным числом участников, а как глобальный проект восстановления общего пространства развития веками живших вместе, сотрудничавших и обогащавших друг друга народов от Лиссабона до Владивостока и от Петербурга до Коломбо.

Для успеха проекта важен не только учёт прагматических экономических интересов – не менее, а скорее даже более важным является идейный фундамент нового образования. Союз должен предложить реальную альтернативу сложившемуся мировому устройству, выдвинуть новую парадигму развития на основе иной системы ценностей.

В контексте цивилизационного выбора, а также позиционирования в общественном сознании, в поле общественного мнения тех или иных интеграционных группировок, объединений и других подобных образований именно вопрос о ценностях является ключевым,

поскольку именно те или иные ценности непосредственно связаны с самоидентификацией социальных общностей, этносов, наций и цивилизаций. В немалой степени это и вопрос самоидентификации элит, от которого зависит развитие различных наций и тех интеграционных группировок, которые они образуют.

К сожалению, вопрос о ценностях евразийской интеграции пока ещё очень слабо артикулирован, во многих аспектах – вообще не озвучен в явном виде, хотя некий особый ценностный цивилизационный код на евразийском пространстве, несомненно, существует объективно и органично по умолчанию.

На этом фоне представляется принципиально важным, чтобы формирующийся Евразийский союз явил миру альтернативный проект и систему ценностей, которые учитывали бы, с одной стороны, традиции народов, его населяющих, а с другой стороны, позитивный, а равно и негативный опыт других интеграционных проектов и центров силы, как в исторической ретроспективе, так и в современных условиях.

На наш взгляд, эта ценностная система должна включать в себя следующие компоненты и принципы:

- восстановление баланса между индивидуализмом и коллективизмом, между конкурентными и солидарными механизмами в обществе и экономике, между рынком и общинными отношениями;

- восстановление баланса между свободой и справедливостью, а также между свободой и ответственностью; свобода не должна пониматься как вседозволенность, а расширение инициативы, которое не сопряжено с соблюдением социальной справедливости, ведёт к общественному расколу, порождает отчуждение и становится фактором разрушения общества. Отрадно, что понимание важности этого вопроса наметилось у российских властей и элит. Нам представляется, что формулирование ясных перспектив и формирование социальных стандартов становится важным условием и фактором дальнейшего развития процесса евразийской интеграции;

- восстановление баланса между потреблением, потребительской моделью экономики и творчеством, созиданием, самореализацией – без которых дальнейшее развитие невозможно;

- восстановление баланса и гармонии в треугольнике власть-бизнес-народ, в том числе и прежде всего – через прямое постулирование целей развития. Достижение согласия в этом треугольнике относительно целей развития является одним из базовых условий единения общества.

Примыкающий к этому вопрос – гармонизация отношений между трудом и капиталом, без чего долгосрочное развитие также представляется проблематичным.

Традиционным и вполне возможным для возрождения является культ созидания в противовес культу успеха любой ценой, культу достижений, трудовой этики, самораскрытия и развития личности через труд и творчество.

Человеконенавистнической доктрине неомальтузианства и воинствующих постмодернистских антиценностей ЛГБТ-сообщества должна быть противопоставлена нормализация демографической политики на основе библейских ценностей любви, сакральности брака, семьи для исполнения завета «Плодитесь и размножайтесь!».

Ещё один важный компонент евразийской цивилизационной матрицы – развитие традиций уже давно существовавшей и существующей на территории нашего совместного проживания истинной мультикультурности в противовес искусственному мультикультурализму.

Прокламмирование этих принципов и ценностей, их воплощение в жизнь является серьезной основой для того, чтобы сделать из Евразийского союза самостоятельный цивилизационный полюс, притягательный для здоровых сил в мире.

Если суммировать вышесказанное, идеологической основой объединения антивоенных, антифашистских и антиглобалистских сил в широкую коалицию, а также мировоззренческим основанием для нового миропорядка может стать **концепция социально-консервативного синтеза**, объединяющая систему ценностей мировых религий с достижениями социального государства и научной парадигмой устойчивого развития⁴. Эта концепция может быть использована в качестве позитивной программы для формирования глобальной антивоенной коалиции, которая должна предложить понятные всем принципы упорядочивания и гармонизации социально-культурных и экономических отношений в мировом масштабе.

Гармонизация международных отношений может быть достигнута только на основе фундаментальных ценностей, разделяемых всеми основными культурноцивилизационными общностями. К числу таких ценностей относятся принцип недискриминации (равенства людей) и декларируемая всеми конфессиями любовь к ближнему без разделения человечества на «своих» и «чужих». При таком понимании эти ценности могут быть выражены в понятиях справедливости и ответственности, а также в юридических формах прав и свобод граждан. Исходя из такого понимания, можно устранить насильственные формы межрелигиозных и межнациональных конфликтов, перевести их в плоскость идеологически свободного выбора каждого человека. Это позволит нейтрализовать одну из самых разрушительных технологий американской стратегии ведения мировой хаотической войны – использование межконфессиональных противоречий для разжигания межрелигиозных и межнациональных вооружённых конфликтов, переходящих в гражданские и региональные войны.

Вовлечение конфессий в формирование социальной политики подведёт под государственные решения нравственное основание. Это поможет обуздать дух вседозволенности и распушенности, доминирующий сегодня во властвующей элите развитых государств, восстановить понимание социальной ответственности власти перед обществом.

Концепция социально-консервативного синтеза даёт также идеологическую основу для реформирования международных валютно-финансовых и экономических отношений на основе принципов справедливости, взаимного уважения национальных суверенитетов и взаимовыгодного обмена. Их реализация требует существенного ограничения свободы действия рыночных сил, постоянно порождающих дискриминацию большинства граждан и стран по доступу к благам.

Базовые ценности, принципы общественного устройства, цели социума и перспективы развития – вот тот фундамент, на котором может строиться широкая союзная коалиция, столь необходимая ныне для организованного противостояния силам разрушительного постмодернистского глобализма.

Но чтобы утвердить свое право быть центром евразийской интеграции и лидером антивоенной коалиции, а в дальнейшем – неформальным лидером третьего полюса, Россия должна стать сильной, по-настоящему суверенной, привлекательной страной, демонстрируя социальную стабильность и достойное качество жизни населения, высокий научно-технический и интеллектуальный уровень, что невозможно без модернизации и опережающего развития экономики.

Первоочередные меры по укреплению экономического суверенитета России

Перечисленные выше меры по предотвращению войны против России должны быть дополнены решением проблемы перевооружения российской армии на основе достиже-

⁴ С. Глазьев. Социалистический ответ либеральной глобализации. АПН. 2006.

ний нового технологического уклада, сочетающего нано-, биоинженерные, информационно-коммуникационные и когнитивные технологии. Этот вопрос является ключевым, поскольку самый опасный период для России наступит в начале 2020-х гг., когда пройдёт технологическое перевооружение развитых стран и Китая, а США и другие западные страны предпримут попытку выйти из депрессии и осуществить технологический скачок. Именно в период 2021–2025 гг. Россия может безнадежно отстать в технологическом и экономическом отношении, что подорвёт конкурентоспособность оборонной промышленности и резко ухудшит состояние национальной безопасности. Это даст возможность США безнаказанно провоцировать внутренние социальные и межэтнические конфликты, как это делалось в СССР в конце 1980-х гг. Американские аналитики из ЦРУ и других ведомств прямо делают ставку на развал России изнутри после 2020 г. из-за внутренних социальных и межэтнических конфликтов, инициируемых извне⁵.

Помимо очевидной необходимости мер по обеспечению социальной сплочённости российского общества, усилению внутренней идеологической работы, противодействию действиям «пятой колонны» и т. п., освещение которых выходит за рамки данного доклада, необходимы также срочные меры по обеспечению экономической безопасности страны, прекращению оттока капитала и снижению внешней зависимости:

- вывод валютных резервов государства и сбережений госкорпораций из активов в долларах в золото и валюты дружественных стран;
- переход на расчёты за экспорт углеводородов, металлов, леса и военной техники, с одной стороны, и импорт потребительских товаров, с другой стороны, в рублях;
- переход на национальные валюты во взаимной торговле в ЕАЭС, СНГ, БРИКС, ШОС; провести в целях её финансирования валютно-кредитные СВОПы в национальных валютах;
- кардинальное повышение эффективности валютного контроля, введение налога на вывоз капитала;
- прекращение использования иностранных рейтинговых агентств в методиках денежных властей;
- государственная поддержка импорта новых технологий;
- расширение и углубление евразийской экономической интеграции.

Ключевое значение имеет проведение деофшоризации экономики и прекращение нелегального вывоза капитала.

В целях минимизации негативных последствий от экономических санкций, введение которых предопределяется стратегией США и мало зависит от действий России, представляется крайне рискованным и неразумным наращивание резервов в американских обязательствах. Следует в ближайшее время осуществить:

- возвращение всех принадлежащих государству ценностей (драгметаллы, произведения искусства и пр.) на территорию России;
- продажу облигаций стран НАТО;
- создание собственной системы обмена межбанковской информацией для осуществления международных платежей и расчётов в Таможенном союзе, СНГ, с другими странами-партнерами, аналогичной системе SWIFT;
- создание платёжной системы расчётов по банковским карточкам в рамках ЕврАзЭС, которая замкнула бы в том числе расчёты по системам VISA и MasterCard внутри страны на российского оператора, как это было сделано в Китае;
- прекращение валютных спекуляций против рубля и бегства капитала путём ограничения и регулярного контроля валютной позиции коммерческих банков; применение других

⁵ Пантин. Аналитическая записка «Наиболее вероятный прогноз развития политических и военных конфликтов в период 2014–2018 гг.». Опубликовано в newsdon.info 12 июля 2014 г.

норм банковского и валютного контроля, включая введение предварительного декларирования проведения крупных неторговых валютных операций; в дальнейшем – введение налога на вывоз капитала и финансовые спекуляции;

- замещение займов госкорпораций в долларах и евро рублёвыми кредитами на тех же условиях, проведение целевой эмиссии на эти цели с размещением кредитов на принципах проектного финансирования посредством Внешэкономбанка;

- проведение разъяснительной работы с населением в отношении целесообразности перевода депозитов из долларов и евро в рубли. Прекращение государственного страхования вкладов в этих валютах. В случае замораживания активов ЦБ и госбанков в США и ЕС – замораживание обязательств коммерческих банков в долларах и евро;

- в случае введения эмбарго на торговлю с Россией со стороны ЕС и США – осуществление критически важных внешнеторговых операций через белорусские и казахстанские предприятия;

- перевод в национальную юрисдикцию зарегистрированных в офшорах прав собственности на стратегически значимые российские предприятия, а также на объекты недропользования и недвижимости, их национализация в случае отказа бенефициаров перерегистрировать права собственности в России.

Усиление России

В условиях разворачивания глобальной хаотической войны необходим перевод российской экономики на внутренние источники роста, резкое увеличение инвестиций в модернизацию и развитие экономики на основе нового технологического уклада. Для этого нужно кардинально повысить эффективность централизованного управления развитием экономики, включая развёртывание системы стратегического планирования, создание системы широкого внедрения новых технологий и стимулирования НТП, повышение эффективности государственной системы регулирования цен и ценовой политики. Ключевое значение имеет создание механизмов внутреннего долгосрочного дешёвого кредита и институтов развития с целью обеспечения финансирования инвестиционных проектов освоения перспективных производств нового технологического уклада и экономического роста.

Наряду с созданием необходимых макроэкономических условий для отражения охарактеризованных выше угроз национальной безопасности необходимо:

- развёртывание программы модернизации оборонной промышленности на основе нового технологического уклада с существенным увеличением расходов на оборонные НИОКР;

- принятие мер по обеспечению продовольственной безопасности в рамках ЕАЭС;

- развёртывание сети инжиниринговых компаний, восстановление проектных институтов и конструкторских бюро;

- реализация системы мер по переходу на использование отечественной авиатехники в пассажирских перевозках с развёртыванием массового производства современных моделей семейств Ту, Ил, Ан на отечественной инженерно-технологической базе;

- принятие системы мер по стимулированию широкого импортозамещения с учётом приоритетности создания отечественного производства социально значимых лекарств (в частности, инсулина на основе технологии Института биоорганической химии РАН), оборудования и комплектующих для оборонной промышленности, машиностроения, для топливно-энергетического комплекса.

Наряду с централизованными усилиями государства для модернизации и опережающего развития экономики необходима активизация частного предпринимательства. Для этого необходимы меры по:

- снижению налоговой нагрузки на предприятия;
- повышению эффективности антимонопольной политики, а также радикальному очищению системы государственного регулирования от коррупции.

Для укрепления положения отечественных компаний на отечественном рынке, формирования реальных стимулирующих условий для широкого импортозамещения требуется создание преференциальных режимов деятельности отечественных фирм в приоритетных направлениях, прежде всего связанных с освоением ниш в высокотехнологичных сегментах, и особенно с учётом их перспективы в рамках нового технологического уклада, включая меры ускоренной амортизации основных фондов, введение налоговых каникул на определённый период, предоставление субсидий, усовершенствование работы государства по созданию научных, технологических и промышленных парков.

О нынешней политике ЦБ РФ

Выше мы уже указывали на ключевую роль денежно-кредитной (и шире – финансовой) политики, без радикального изменения которой в России остальные элементы стратегии и большинство мер просто не могут быть успешно реализованы.

Неадекватность политики Банка России задачам экономического роста уже стала привычным пунктом ее критики, на которую его руководство традиционно отвечает монетаристскими догмами. Но если до сих пор платой за некомпетентность и догматизм денежных властей были падение производства и вывоз капитала, деградация структуры экономики, то с пресечением внешних источников кредита в условиях санкций под вопросом оказывается само её существование. В современной экономике без кредита невозможно не только расширенное, но даже простое воспроизводство. Политика привязки денежной эмиссии к приросту валютных резервов привела к тому, что основная часть денежной базы сформирована под иностранные источники кредита. Объём внешнего долга российской экономики превышает величину внутреннего кредита.

Упорное нежелание Банка России создавать внутренний длинный кредит вынудило крупнейшие банки и корпорации к заимствованиям за рубежом, преимущественно в ЕС и США. Прекращение рефинансирования со стороны последних грозит разрушением сложившихся в российской экономике механизмов воспроизводства. Чтобы этого избежать, Банк России должен был бы спешно разворачивать механизмы долгосрочного рефинансирования российских заемщиков, способные заместить закрытые из-за санкций внешние источники. Эти механизмы должны быть похожи на европейские и американские, которые обеспечивают безграничное рефинансирование западных банков и корпораций на долгосрочной основе под символический процент. Вместо этого Банк России поднимает ставку процента и сужает разнообразие инструментов рефинансирования, ограничивая их преимущественно краткосрочными операциями по поддержанию ликвидности. Тем самым он резко усугубляет негативное влияние западных санкций, обрекая благополучные пока еще отрасли российской экономики на сужение производства и сжатие инвестиций. Антироссийские санкции и волна ужесточения монетарной политики Банка России вступают в крайне опасный для российской экономики резонанс.

В ситуации, когда традиционные методы тарифной защиты жёстко ограничены ВТО, именно условия кредитования экономики становятся решающим орудием международной конкурентной борьбы. При этом преимущество имеют страны, осуществляющие кредитование дешёвыми деньгами, которые эмитированы под долговые обязательства. Из этого следует необходимость кардинального изменения денежной эмиссии – перехода от её валютного обеспечения на обеспечение внутренними обязательствами государства и бизнеса.

Следует признать, что в последние годы Банк России формально отказался от валютного обеспечения денежной эмиссии. Ее основная часть направляется по каналам рефинансирования под обеспечение национальных заёмщиков. Проблема, однако, заключается в том, что это рефинансирование остаётся краткосрочным и крайне ограниченным. Если в странах с суверенными денежными системами рефинансирование ведётся за символический, часто отрицательный процент и под многолетние обязательства внутренних заёмщиков, прежде всего самих государств, то Банк России ограничивает свои операции недельными и месячными сроками под высокий, недоступный для большинства производственных предприятий процент.

Иными словами, если в финансово суверенных странах за счёт денежной эмиссии осуществляется кредитование производственной и инвестиционной деятельности, то Банком России – только поддержание ликвидности. Соответственно, различаются и масштабы: если за один только раунд ЕЦБ эмитировал для поддержки экономической активности 1 трлн. евро на три года, то прирост обязательств Банка России ограничивается несколькими миллиардами рублей в год, не оказывая существенного влияния на деловую активность.

Неадекватность и крайняя внутренняя противоречивость политики Банка России проявилась и в рамках валютного кризиса осени 2014 года, в создании которого есть немалая вина самого ЦБ. В частности, недоумение вызывает отмена плавающего коридора стоимости бивалютной корзины и регулярных интервенций на его границах и за его пределами, что в нынешних условиях означает практически полный отказ Центробанка от формирования курса рубля.

Трудно найти подобные прецеденты в мировой практике – особенно с учётом огромных размеров официальных резервов России (одной из главных целей накопления которых как раз является возможность проведения необходимых валютных интервенций).

Как известно, цель интервенций – остановить панические тенденции на рынке и в обществе и заодно наказать спекулянтов, то есть, ударив им по рукам, отбить охоту проводить целенаправленные атаки на валютный курс.

ЦБ РФ вместо этого окончательно дезориентирует как широкие слои населения, так и бизнес, делая возможными практически любые прогнозы валютного курса, тем самым усиливая панику, бегство капитала, провоцируя валютные спекуляции и широкий исход средств из рублёвых депозитов в валютные, подрывает возможности планирования бизнес-деятельности и фактически ведя дело к усилению тенденций к долларизации хозяйственных отношений. Это шаг, который отбрасывает нас на двадцать лет назад – в реальность «лихих 90-х», в реальность, которую, казалось бы, мы окончательно преодолели.

Одновременно ЦБ повышает основные процентные ставки, якобы предупреждая тем самым скачок инфляции. Контрэффективность повышения ставок в российской экономике давно доказана и практикой, и соответствующими аналитическими исследованиями. Вместо сдерживания инфляции данная мера приводит к раскручиванию роста цен через кредитные механизмы, рост издержек и закладывание высоких ставок в цены. Таким образом, повышение ставок приводит к понижению реальной деловой активности, вкуче с девальвацией это подталкивает бизнес и банки к валютным спекуляциям и увеличивает масштабы бегства капитала через валютнообменные операции, что приводит к дальнейшему падению курса (которое происходит вопреки отличным показателям торгового баланса – очень значительному внешнеторговому профициту) и росту инфляции через удорожание импорта. Круг замыкается, в результате на следующем цикле ситуация ещё больше ухудшается, опускаясь вниз по спирали.

Разрушить этот порочный круг можно лишь при условии кардинального изменения политики Центробанка.

Но самое главное, – в контексте рассматриваемой проблемы организации финансирования в российской экономике в условиях объявленной нам экономической войны, – совершенно непонятно, как эти действия Банка России согласуются с острой необходимостью перекредитования российских хозяйствующих субъектов перед лицом закрытия им каналов доступа к займам и валютной ликвидности на зарубежных кредитных рынках в рамках принятых против России санкций и более долгосрочной стратегией замещения валютных займов российских банков и корпораций рублевыми кредитами. Повышение ставок ЦБ вступает в непреодолимое противоречие с этими тактическими и стратегическими целями.

Какая денежно-кредитная система нам нужна

Как было отмечено выше, насущным вопросом является создание полноценного эмиссионного кредитного механизма, соответствующего потребностям экономики и не генерирующего избыточного инфляционного давления.

Из теории экономического развития и практики развитых стран следует необходимость комплексного подхода к формированию денежного предложения в увязке с целями экономического развития и с опорой на внутренние источники денежной эмиссии. Важнейшим из них является механизм рефинансирования кредитных институтов, замкнутый на кредитовании реального сектора экономики и инвестиций в приоритетные направления развития. Это можно сделать путём использования хорошо известных и отработанных в практике развитых стран косвенных (рефинансирование под залог обязательств государства и платёжеспособных предприятий) и прямых (софинансирование государственных программ, предоставление госгарантий, фондирование институтов развития) способов денежной эмиссии. В условиях финансовой войны важнейшим каналом денежной эмиссии должно стать приобретение обязательств государства и государственных институтов развития, как это делается в США, Японии, ЕС путём приобретения центральными банками государственных долговых обязательств.

Для формирования современной национальной кредитно-финансовой системы, подъёма инвестиционной активности в целях модернизации и развития российской экономики, замещения отзываемых вследствие антироссийских санкций внешних кредитов необходима комплексная система мер.

Прежде всего, требуется настройка денежнокредитной системы на развитие и расширение возможностей кредитования реального сектора. Конкретные мероприятия, необходимые для этого, должны включать: ⁶

- законодательное включение в перечень целей государственной денежно-кредитной политики и деятельности Банка России создание условий для экономического роста, увеличения инвестиций и занятости;
- переход в основном на внутренние источники монетизации. Для этого следует не повышать, а снижать ставку рефинансирования до уровня, сопоставимого с банками ЕС, США, Китая. По примеру развитых стран (США, Япония) монетарным властям целесообразно делать упор на формирование целевых длинных и сверхдлинных ресурсов с невысоким уровнем процентной ставки, основанных на использовании государственных бумаг (в том числе связанных с финансированием долгосрочных инвестиционных проектов, а также институтов развития), которые дополняются инструментами среднесрочного рефинансирования под обязательства производственных предприятий;

⁶ С. Глазьев. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике, «Вопросы экономики», 2014, № 9.

- переход на регулирование денежного предложения посредством установления ставки рефинансирования и проведение денежной эмиссии преимущественно для рефинансирования коммерческих банков под залог кредитных требований к производственным предприятиям, облигаций государства и институтов развития;

- кардинальное расширение ломбардного списка ЦБ РФ, включение в него векселей и облигаций платёжеспособных предприятий, институтов развития, гарантий федерального правительства, субъектов Федерации и муниципалитетов. При этом во избежание стимулирования вывоза капитала и валютных спекуляций приём иностранных ценных бумаг и иностранных активов российских банков в качестве обеспечения ломбардных и иных кредитов следует прекратить;

- существенное увеличение ресурсного потенциала институтов развития за счёт их фондирования ЦБ РФ под инвестиционные проекты, одобряемые правительством в соответствии с установленными приоритетными направлениями развития. Размещать такие кредиты институты развития должны на принципах проектного финансирования, предусматривающих выделение денег исключительно под установленные ими расходы без перечисления денег на счёт заёмщика.

Для осуществления этих мероприятий необходимо увеличить мощность российской валютнофинансовой системы. Это предполагает последовательное замещение инвалютных займов российских банков и корпораций рублёвыми кредитами с предоставлением соответствующего фондирования со стороны ЦБ.

Кроме того, для обеспечения эффективности перечисленных мер, в частности, для предотвращения перетока эмитируемых для рефинансирования производственной деятельности денег и инвестиций на финансовый и валютный рынок, необходимо обеспечить целевое использование таких кредитов посредством соответствующих норм банковского надзора. Хорошо зарекомендовавшей себя мерой ещё во время кризиса 1998 года является введение ограничений на изменение валютной позиции коммерческих банков, прибегающих к рефинансированию ЦБ РФ.

Схемы безинфляционных эмиссионных механизмов финансирования

В той части, в которой внутренний рынок является в высокой степени самодостаточным, финансирование можно организовать с помощью институтов развития, кредит для которых создаст Центробанк. При этом необходимо решительно отказаться от принципа покрытия денежной базы иностранной валютой, в котором действительно нет равным счётом никакой необходимости, в том случае, если денежное обращение замкнуто в рамках внутреннего рынка и все деньги связаны в номинированные в рублях обязательства. Иными словами, ликвидность кредитования должна непосредственно поддерживаться Центробанком путём операций на открытом рынке, как это делает, например, ФРС в отношении ипотечных ценных бумаг. В этом случае ликвидность просто создаётся на возвратной основе под будущий спрос и будущее предложение.

К отраслям, в значительной степени локализованным, способным принять участие в работе этой схемы без того, чтобы эта схема оказывала значительное давление на валютный рынок, можно отнести сельское хозяйство и рыболовство, пищевую промышленность в той части, в которой она не связана с поставками импортного оборудования и комплектующих к нему, строительство, в значительной степени транспорт (в той части, в которой он не зависит от поставок импортных комплектующих и транспортных средств), лёгкую промышленность (производство одежды, обуви) в части изготовления конечной продукции.

Для стимулирования развития этих отраслей необходимо создать для них отдельный контур денежного обращения, что возможно сделать методами современной финансовой

инженерии, включающими документарные кредиты, выпуск облигаций на основе пакетов таких кредитов и дальнейшее структурирование таких выпусков в аналог CDO (collateralized debt obligations), ликвидность которых уже может поддерживаться институтами развития.

Возможность утечки создаваемой под финансирование инфраструктуры ликвидности на валютную биржу устраняется при использовании документарных операций тем, что поэтапная оплата работ исполнителей и подрядчиков осуществляется только по факту выполнении согласованных объёмов работ в соответствии с планом-графиком проекта. При этом всё промежуточное финансирование возлагается не на институты развития, а на обычные коммерческие банки. Ценные бумаги, эмитируемые для обеспечения проектного финансирования, не требуют для своего обращения какой-то кардинальной перестройки уже существующего российского финансового рынка.

Данная схема финансирования показала себя с лучшей стороны при развитии рынка жилищного строительства в США, хотя ошибки регуляторов однажды привели к надуванию в этой сфере пузыря, ставшего одной из причин глобальной депрессии. Мы предлагаем использовать такую схему проектирования каналов ликвидности не только в строительной, но и в других в достаточной мере локализованных отраслях. Обычные коммерческие банки при этом становятся посредниками между предприятиями и ликвидностью институтов развития, беря на себя часть коммерческого риска при кредитовании. Такое разделение рисков, при котором институты развития не кредитуют проекты непосредственно, но гарантируют поддержку ликвидности кредитования, снижают коррупцию, которая обычно имеет место при государственном проектом финансировании.

В строительной отрасли схема может быть выстроена по образу и подобию американской, начало внедрения которой было положено ещё Рузвельтом, для других отраслей, которым требуется сбыт продукции конечному потребителю через торговые сети, схема должна быть несколько модернизирована. Торговые сети необходимо мотивировать к тому, чтобы они сами искали и пускали к себе отечественных поставщиков, тогда как до недавнего времени, напротив, они предпочитали иметь дело с крупными иностранными структурами, пренебрегая мелким отечественным производителем. Необходимо наладить такое же обусловленное кредитование торговым сетям под торговлю локализованной продукцией: льготный кредит при поддержке государства в обмен на то, что торговая сеть сама начнёт кредитовать своих локальных поставщиков. Ликвидность кредитования поддерживается при этом в рамках общей схемы. Внедрение этой схемы стимулирует рост торговых сетей там, где покупательная способность населения относительно низка, но при этом есть потенциал роста локального производства. Под торговыми сетями мы понимаем в первую очередь крупные компании, которые способны эффективно выстраивать логистику и снижать издержки за счёт масштаба, а также обладают значительной финансовой устойчивостью. Однако и среднему бизнесу можно предоставить аналогичные условия. Неэффективную малую торговлю при этом поддерживать нет смысла, проще сосредоточиться на поддержке местных рынков, на которых свободно торгуют ИП.

Такой же подход может быть применён и для инфраструктурного государственного строительства – в частности, транспортной инфраструктуры. Особенностью инфраструктурного строительства является сочетание высокого уровня капитальных затрат и сравнительно низких эксплуатационных издержек. Чем шире сфера обслуживания инфраструктуры, тем шире база окупаемости капитальных затрат, благодаря чему развитие инфраструктуры ведёт к снижению издержек всего общества и общему повышению производительности труда и, как следствие, росту уровня жизни. Именно рост уровня жизни населения и должен стать основой окупаемости государственных инвестиций в долгосрочной перспективе.

Так, не пытаясь ограничивать частный бизнес, но ставя его меркантильный интерес на службу государству, можно, в дополнение к экспорту, создать сильную внутреннюю государственную опору для экономического роста. В сущности, именно это и удалось сделать Китаю.

Суверенная финансовая система – ключевой элемент стратегии

Вопрос создания по-настоящему суверенной и высокоэффективной финансовой системы сверхактуален как с точки зрения внутренних потребностей экономического развития, так и в рамках ведущейся против России экономической войны.

Нынешние финансово-экономические войны с традиционными войнами роднит неизменная на протяжении всей истории человечества цель – овладение ресурсами конкурентов. А так как именно результат финансовых войн определяет сегодня ход мировой истории, дальновидные политики уделяют всё больше внимания совершенствованию финансово-банковских систем и национальных валют, от качественных характеристик которых зависит не только экономическая мощь и конкурентоспособность современных государств, но и их политическая безопасность ⁷.

Что касается современной России, то, судя по проводимой в ней финансовой политике, задачи обеспечения финансовой безопасности в ней никогда серьёзно не ставились. Ошибочность такой политики более чем очевидна, и на фоне ужесточающихся финансовых войн существует необходимость в её кардинальном изменении. Финансовые войны – это не Олимпийские игры, в которых важна не победа, а участие. Поскольку следствием поражения в финансовых войнах является эксплуатация проигравших народов, России сегодня как воздух нужна новая финансовая политика, позволяющая не просто участвовать в финансовых войнах, а побеждать в них.

В качестве основной задачи должно фигурировать создание качественной суверенной национальной финансово-банковской системы.

Система должна обеспечивать решение следующих задач:

1. создание полноценной национальной валюты и её поддержание в стабильном и конкурентоспособном состоянии;
2. насыщение экономики и рынка качественной денежной массой в объёме, необходимом для их полноценного функционирования и развития;
3. создание условий, обеспечивающих интенсивное образование конкурентоспособного национального финансового капитала, номинированного в национальной валюте;
4. обеспечение финансовой самодостаточности и безопасности России;
5. создание национальной экономике условий для осуществления финансово-экономической экспансии.

Для реализации заявленных президентом целей темпы ежегодного прироста ВВП должны составлять не менее 8 %, что требует прироста инвестиций не менее чем на 15 %. Для этого необходим опережающий прирост кредита, что, в свою очередь, предполагает ремонетизацию экономики. Мировой опыт успешного перехода национальных экономик из отстающих в передовые свидетельствует о необходимости увеличения нормы накопления до 35–40 % ВВП, что всегда достигалось соответствующим увеличением объёма кредита до 100 % ВВП и выше. Этот скачок Россия вполне могла бы совершить, опираясь на имеющийся научно-технический потенциал и сверхприбыль (природную ренту), получаемую от экспорта сырьевых товаров. Для этого предприятия должны иметь возможность привлекать

⁷ А. Отырба, А. Кобяков. Как побеждать в финансовых войнах. «Однако», № 174, июнь-июль, 2014.

кредиты для финансирования инновационных проектов и необходимые для развития инвестиции.

Следует отметить, что Россия обладает уникальными возможностями, способными обеспечить ей достижение перечисленных целей. В первую очередь это её огромные богатства, большинство которых, в отсутствие необходимых для этого инфраструктурных и правовых условий, не формализованы, не капитализированы и не вовлечены в процесс экономических отношений, соответственно, не создают добавленной стоимости, что существенно снижает эффективность национальной экономики в целом⁸. Именно эти богатства, вовлечённые в экономику, и должны стать «лошадью», которая вытянет «телегу» реиндустриализации.

Санкции США и ЕС дают уникальную возможность исправить перекосы в российской финансовой системе с огромной выгодой для нее. Ведь Россия является донором, а не реципиентом мировой финансовой системы, и отказ от этого донорства позволит существенно увеличить внутренние инвестиции.

⁸ Там же

Владимир Овчинский, Елена Ларина **Холодная война 2.0** **(Доклад Изборскому клубу)**

В мировом информационном пространстве, от масс-медиа до академического дискурса, – всё чаще мелькает знакомый из прошлого термин «холодная война». Он понемногу входит в обиход российских «фабрик мыслей», выступления политиков, сообщения телевизионных и интернет-новостей. Представляется, что возврат термина «холодная война» имеет две стороны. Одна из них связана с его удобством для фиксации обществом и различными структурами власти реального состояния дел в мире, усиления конфронтационных тенденций между Россией и Западом, резкого нарастания их конфликтного потенциала. В таком коммуникативном плане характеристика нынешней ситуации как «холодной войны 2.0» вполне оправдана и эффективна.

Однако есть и вторая сторона дела. «Холодная война», как известно, представляла собой вполне определенный, детерминированный историческими обстоятельствами, тип острого конфликта между мировыми капиталистической и социалистической системами. Этот конфликт базировался на отказе от традиционных прямых вооруженных столкновений между сторонами конфликта, на их переносе в иные регионы и сферы соперничества с использованием идеологических, экономических и иных инструментов. Сегодня ситуация коренным образом изменилась. Появились такие летальные вооружения, которые никак не связаны с традиционными видами оружия и могут использоваться скрытно, в том числе без обнаружения реальной стороны, стоящей за применением этого вооружения. Наиболее известный пример такого оружия – кибератаки. На подходе – психофизиологическое, климатическое оружие и т. п.

Произошли также тектонические изменения в экономической, социальной политической и иных конфигурациях мира. В докладе Центра разработки концепций и доктрин Министерства обороны Великобритании «Глобальные стратегические тенденции – 2045» (Global strategic trends – out to 2045), опубликованном в сентябре 2014 года, особо отмечено, что за ближайшие 30 лет ситуация на планете станет значительно более взрывоопасной, а количество зон конфликтов и локальных войн будет только возрастать.

В этих условиях термин «холодная война», по сути, описывает вчерашнюю реальность и скрывает существо дела. Как отметил в сентябре 2014 года ведущий военный теоретик, консультант Пентагона и правительства Израиля Мартин Ван Кревельд: «В современном мире больше нельзя провести грань между войной и миром, и в этом смысле привычные нам понятия горячей и холодной войны утратили смысл. Мир всё в большей степени перманентно оказывается в ситуации непрекращающегося, но в значительной мере скрытого насилия»⁹.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что массированное использование на Западе термина «холодная война» является средством психолингвистического воздействия на российское экспертное сообщество и российский политический класс, элементом рефлексивного управления: мол, вы проиграли в прошлой «холодной войне», значит – обязаны проиграть и в этой. Поэтому, используя термин «холодная война», следует помнить, что он – всего лишь обертка, внутри которой прячется новое, принципиально иное содержание, гораздо более опасное для России.

Отличие связано прежде всего с тем, что приход к власти администрации Б.Обамы означал принятие на вооружение правящей элитой США радикальной доктрины американ-

⁹ <http://www.martinvancreveld.com/index.html>

ской исключительности. Об этой исключительности Барак Обама сказал в первой же своей речи в качестве президента США и с тех пор не устает повторять этот значимый термин во всех ключевых выступлениях.

Иногда даже искушенные аналитики за рубежом и в России делают вывод о том, что американская исключительность – это не более чем пропагандистский штамп и риторический прием. Однако, это не так. В соответствии с американской политической традицией частое использование столь значимых терминов показывает на появление принципиально новой внешнеполитической доктрины. Эта доктрина представляет собой следующий и еще более, если можно так выразиться, фундаменталистский вариант привычной концепции однополюсного мира.

Концепция однополюсного мира, лежавшая в основе практических действий на мировой арене администраций Б.Клинтона и Дж. Буша-младшего, предполагала иерархическую, пирамидальную структуру строения субъекта политического действия. На ее вершине в соответствии с завещанием, сформулированным в знаменитой книге Джона Уинтропа «Город на холме», написанной еще в 1630 году, должны находиться Соединенные Штаты. Ниже – их союзники «первой руки», еще ниже – союзники «второй руки», а в самом низу – поверженные соперники и противники, которые должны при малейших признаках неповиновения наказываться. Пирамидальная конструкция однополюсного мира не исключала и даже предполагала наличие на всех своих этажах субъектов, обладающих политической волей и возможностями к действию.

Доктрина американской исключительности предоставляет право быть субъектом стратегического действия только лишь США. Остальные страны, в конечном счёте, должны выполнять роль инструментов в реализации исключительного права Америки устанавливать идеалы, сформулированные в ее Декларации о независимости.

Нетрудно заметить, что доктрина американской исключительности появилась и была обнародована вскоре после исторической Мюнхенской речи В.В.Путина. Разумеется, *post hoc non propter ergo hoc* («после того – не значит вследствие того», лат.), но в значительной мере «доктрина Обамы» была именно ответом на сформулированное Президентом РФ видение современности и будущего как сложного, взаимозависимого существования и развития равноправных цивилизационных миров, каждый из которых имеет собственную логику развития, ценности и суверенные права. По сути, выступление В.В.Путина явилось обнародованием первой за столетие российской внешнеполитической доктрины, основанной на традициях отечественной геостратегической мысли, восходящей к работам К.Леонтьева, Н.Данилевского и ряда других авторов.

С этого момента правящие элиты не только США, но и Запада в целом, прилагают все усилия к тому, чтобы не допустить формирования России как самостоятельного субъекта стратегического действия. Когда эти усилия внутри нашей страны («болотный» проект) не увенчались успехом, упор был перенесен на внешнеполитическую арену. Ключевой момент «доктрины Обамы» состоит в том, что её невозможно реализовать без ликвидации России как реального и потенциального субъекта стратегического действия, без превращения нашей страны в политический объект, в инструмент для правящих элит Запада.

На войне как на войне

В уже упомянутом докладе экспертов Министерства обороны Великобритании «Глобальные стратегические тенденции – 2045» отмечено, что в прогнозируемый период Россия, скорее всего, будет оставаться сильнейшей державой европейского континента и будет сохранять значительные и боеспособные вооруженные силы для проведения региональных интервенций. Поэтому ключевой вопрос сегодня – это вопрос о неизбежности противобор-

ства России с Западом. На этот счет нет единого мнения ни в российском политическом классе, ни среди экспертно-аналитического сообщества, ни внутри субъекта стратегического действия. Тем не менее, без ответа на этот вопрос, без понимания сути процессов, глубинной подоплеку событий, невозможно использовать энергию перемен в собственных интересах. Единственным уделом не знающего и не понимающего причин конфликта субъекта оказывается нескончаемая борьба со следствиями, потеря темпа и, в конечном счете, поражение. И – *vae victus!* («горе побежденным!», лат.)

Положительный или отрицательный ответ на вопрос о неизбежности противоборства России и Запада в значительной степени зависит от определения причин, его порождающих.

На поверхности лежат причины, существующие столько же, сколько существуют государства и противоречия между ними, обусловленные конкретикой текущего времени, конъюнктурой межгосударственных отношений, иногда – вплоть до особенностей личных контактов лидеров стран и блоков. Такого рода противоречия существовали, и будут существовать до тех пор, пока на международной арене имеются различные государственные акторы.

Однако они не объясняют очевидного и скачкообразного нарастания враждебности к России, Китаю, а в ближайшей перспективе – и к Индии со стороны значительной части элит США и Евросоюза, а также немалой части правящих кругов исламского мира.

В определенной степени обострение противоречий и ужесточение противоборств можно объяснить тем, что мы живем в условиях усложнения социальной, экономической, политической и культурной реальности. Нарастание сложности и разнообразия неминуемо ведет к расширению масштабов и обострению противоречий между различными акторами, включая государственные и негосударственные субъекты различного рода.

Однако, всё это – несомненно, серьезные, но не определяющие факторы ужесточения противоречий между Россией и значительной частью элиты США и Западной Европы. Уже многие исследователи ¹⁰ справедливо делают вывод о том, что столь стремительное нарастание отчуждения и враждебности между Россией и Западом не может быть объяснено лишь конъюнктурными соображениями, и предлагают свои объяснения для причинно-следственных связей наблюдаемых процессов. Как правило, эти причины они видят в исторической традиции, в принципиальной разнице культурно-цивилизационных кодов у основных акторов современного мира.

Бесспорно, такой подход справедлив и отчасти перспективен, однако он также не дает адекватного ответа на вопрос, почему обострение произошло «скачком» и именно сегодня, а не вчера или позавчера. На наш взгляд, ответ состоит в том, что причины кроются не только, а в значительной степени не столько в прошлом, сколько в будущем.

Сегодня мы живём в мире «черных лебедей» ¹¹, «королевских драконов» ¹² и других диковинных артефактов – в мире экспоненциально возрастающей неопределенности, динамичной турбулентности, ветвящихся и обостряющихся противоречий и конфликтов, где с каждым днем всё чаще фиксируются нелинейные эффекты, непредсказуемые последствия и резонансные процессы. На наших глазах усложняется, квантуется связь времен, изменяется сама природа и структура социального времени. Будущее перестает казаться линейным продолжением прошлого. То, что работало вчера, не всегда справляется с задачами дня нынешнего и уже очевидно будет неприменимо для решения завтрашних проблем. Исторические аналогии всё чаще и трагичнее подводят. Стратегии, которые трактуют будущее, как функ-

¹⁰ Наталия Нарочницкая «Россия и русские в современном мире», М.: Алгоритм, 2009; Фурсов А.И. «Русский интерес» М.: КМК, 2014

¹¹ Нассим Николас Талеб, «Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса», КоЛибри, 2014.

¹² Сорнетте Д. «Как предсказывать крахи финансовых рынков: критические события в сложных финансовых системах», SmartBook, 2008.

цию настоящего, почти гарантированно являются проигрышными. Плывая по реке времени, мы можем определить или хотя бы предчувствовать приближение водопада, хотя выше по течению ни с чем подобным еще не сталкивались.

Несомненная нынешняя враждебность Запада к нашей стране связана с тем, что нынешнее российское государство и нынешнее российское общество являются результатом адаптации к мировому кризису позднего индустриализма. Мы уже прошли определенную часть своего тяжелого пути, приобрели неопределимый опыт и многому научились.

Традиционно катастрофу, постигшую Советский Союз, маркируют концом так называемого «короткого» XX века, начавшегося Первой Мировой войной и закончившегося в 1991 году. В рамках подобного подхода Советскую трагедию связывают в первую очередь с внешними происками, внутренним предательством и иными причинами такого же порядка. Отсюда делается закономерный вывод о том, что СССР проиграл США в «холодной войне» и был ликвидирован. Согласно взглядам сторонников подобной точки зрения, в результате этих событий на основе СССР образовалась конфигурация государств, которым суждено в исторической перспективе лишь угасать, подобно долгой гибели обломков Римской империи.

Известная доля истины в подобном взгляде на вещи присутствует. Однако она касается лишь поверхностных, верхних пластов исторической динамики и не ухватывает существа дела. По нашему мнению, СССР был наиболее сложным, высокоорганизованным и низкоэнтропийным¹³ обществом своего времени. При всей отсталости некоторых секторов и отраслей хозяйства, Советский Союз обладал не только внушительным военным потенциалом, но и передовыми секторами науки и техники, развитым производством, собственным, отличным от других образом жизни населения. В этом плане крушение СССР представляло в главных и существенных своих чертах не результат поражения в «холодной войне», в том числе из-за предательства элит (это было дополнительным, ускоряющим фактором), а следствие того, что СССР первый вступил в системный кризис мировой индустриальной системы.

Как убедительно не только показали, но и статистически доказали гениальные советские исследователи В.Глушков¹⁴, П.Кузнецов¹⁵ и С.Никаноров¹⁶, Советский Союз, столкнувшись с системным кризисом сложности, разнообразия и, как следствие, управляемости, – не смог его разрешить и в результате дезинтегрировался. При этом произошло естественное для таких процессов упрощение воспроизводственных, экономических, социальных, политических и иных структур, а также их частичная деструкция.

Если подобный подход верен, а тому есть множество документальных доказательств и расчетных подтверждений, то Россия, при всей тяжести и трудности испытаний, которые выпали на ее долю за последние 25 лет, оказалась не в арьергарде, а, как это ни парадоксально, в авангарде мировой динамики. Россияне, население Белоруссии, Казахстана, не просто первыми вошли в фазу жизни в условиях тотального системного кризиса, не только смогли выжить, но и, более того, создать условия для перегруппировки и нового мобилизационного рывка. Иными словами, Россия, как государство и социум, является в настоящий момент самым «продвинутым» продуктом адаптации к системному, мировому кризису индустриализма. И в этом качестве наша страна получила эффективный иммунитет против системно-кризисных явлений с уникальными, пока еще в полной мере не осознанными и

¹³ Переслегин С.Б. «Будущее, которое мы потеряли» // <http://www.archipelag.ru/authors/pereslegin/?library=191>

¹⁴ Глушков В.М. «Кибернетика. Вопросы теории и практики». – М.: Наука, 1986.

¹⁵ Кузнецов П.Г. «Идеи и жизнь». – М.: Концепт, 1999.

¹⁶ Никаноров С.П. «Исторически нерешенные проблемы как факторы возникновения, развития и угасания СССР». – М.: ПЦ Александра Гриценко, 2012

совершенно нереализованными преимуществами, которые связаны с умением жить и развиваться в условиях системного кризиса.

Всем другим мирохозяйственным системам и цивилизационным платформам еще предстоит пройти свой путь на Голгофу, столкнуться с жесточайшими последствиями кризиса мирового индустриализма, отягощенного деструкцией глобальной хозяйственно-финансовой системы и распадом универсального неолиберального жизненного устройства. Причем, избежать этого не удастся никому: ни Америке, ни ЕС, ни Китаю, ни Японии, ни другим странам мира.

Таким образом, геополитическая и геоэкономическая конкретика, коренящееся в исторической традиции несходство культурно-цивилизационных кодов и, наконец, принципиальная асимметрия потенциалов адаптации к существованию в условиях системного и структурного кризисов, – делают жесткое противостояние России и значительной части элит Соединенных Штатов и Европы практически безальтернативным и неотвратимым.

Как долго продлится это противоборство? Представляется, что длительность «холодной войны 2.0» будет зависеть, прежде всего, от характера и динамики системного кризиса позднего капитализма в форме финансизма, существующего на базе глобальной индустриальной платформы и реализующего универсальное неолиберальное жизнеустройство.

Однако возникает вопрос: с кем конкретно противоборствует Россия? Зачастую противная сторона отождествляется с теми или иными странами, их союзами и даже с этническими группами или представителями тех или иных конфессий. Представляется, что это путь в тупик, поскольку поиск врагов по географическому, национальному, конфессиональному и другим подобным признакам не раз приводил нашу страну к серьезным неудачам и поражениям.

На наш взгляд, геостратегическим противником России выступает сегодня значительная часть правящей западной элиты и контролируемых ею структурных элементов не только западных обществ, но и всего мира, которые связали свою судьбу с финансизмом, проще – с «империей доллара». Отсюда следует, что, во-первых, любое противоборство с этой, внешней по отношению к нашей стране силой, автоматически предполагает и противоборство с теми социальными паттернами внутри России, которые объективно связывают свою жизнь с существованием финансизма.

А во-вторых, поскольку на Западе – так же, как и на Востоке, – отнюдь не все национальные и наднациональные паттерны связывают свое будущее с финансизмом и поздним индустриализмом, они объективно являются в той или иной мере, на тот или иной период времени, союзниками российского субъекта исторического действия. Поэтому, используя термин «Запад», надо всегда помнить, что Россия противоборствует не с Западом как таковым, а с определенными паттернами западных элит и социумов. Сводить сложность субъектов противоборства к теоретическим концептам, например, «народов моря и народов суши», к «исконно враждебным» между собой конфессиям, государствам и т. п., – является пропагандистским упрощением, крайне вредным на практике.

В условиях нарастающего системного кризиса позднего индустриального общества преимущественно капиталистического типа, война стала выполнять несколько иные функции, чем ранее, в чем-то на новом витке исторической спирали возвращаясь к своему первобытному прототипу. Она становится не только и не столько способом насильственного решения различного рода противоречий между субъектами мировой политики, к которым относятся как государственные, так и негосударственные акторы, сколько способом выиграть время и ресурсы для того, чтобы выжить в условиях системного кризиса, и, по возможности, перейти в следующую стадию. Для этого необходимы время, технологии, ресурсы, и что крайне важно, максимальное ослабление всех потенциальных конкурентов. Причем,

лучшим способом ослабления является не нанесение им тотального поражения, а лишение их субъектности. Иными словами, превращение государств и негосударственных акторов в инструменты для достижения целей победителя.

Тем самым «холодная война 2.0», «холодная война нового типа», имеет со своим прототипом не больше общего, чем дельфин с ихтиозавром: форма почти идентична, но содержание принципиально иное.

Глобальное доминирование США: концепция, инструментарий, результаты

Без малого 25 лет назад, как уже не раз случалось в истории с разными политическими акторами, подавляющая часть американской правящей элиты приняла желаемое за действительное, приписав себе победу над Советским Союзом. Характерно, что книга П.Швейцера, долгие месяцы державшаяся в числе международных бестселлеров, получившая все возможные премии и переведенная на множество языков, включая русский, называлась «Победа»¹⁷. Она была написана на основе десятков интервью с видными фигурами из администрации Р.Рейгана, и частично – Дж. Буша-старшего, и рассматривалась как своего рода документальная летопись завершающего и ставшего самым успешным для США этапа «холодной войны».

В итоге иллюзии заместили собой реальность, что породило выдвижение американским правящим классом концепции безусловного глобального доминирования и однополюсного мира Pax Americana. Кстати, не далее, как летом 2014 года Б.Обама, не считаясь с опытом реализации этой концепции, по сути, подтвердил её верность тезисом об американской исключительности¹⁸.

В сфере традиционных войн доктрина глобального доминирования должна была обеспечиваться инструментарием «сетевых войн», в сфере культурно-информационной – инструментарием «мягкой силы», в сфере геополитической – инструментарием «управляемого хаоса», а для жесткого политического противоборства и наказания непокорных предусматривался инструментарий «цветных революций».

Поскольку сердцевиной концепции глобального доминирования являются Вооруженные Силы США, начать анализ целесообразно с так называемой сетевых революций в военном деле.

Авторами концепции сетевых войн считаются вице-адмирал Артур Себровский и старший офицер Джон Гарска. В 1998 году они опубликовали работу под названием «Сетевая война: ее происхождение и будущее»¹⁹. Статья произвела эффект разорвавшейся бомбы в военных и научных кругах США. Заложенные в ней идеи легли в основу перестройки американских вооруженных сил.

Нельзя не отметить, что основные принципы и многие конкретные направления сетевого способа ведения войны были разработаны более чем за 10 лет до американских авторов Маршалом Советского Союза Н.В.Огарковым²⁰. При этом, в отличие от американских теоретиков и практиков, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что речь идет

¹⁷ Петер Швейцер. «Победа». – М.: АВЕСТ, 1995

¹⁸ «Американская исключительность: США настаивают на праве решать, какие народы можно бомбить, оккупировать и наказывать санкциями» – <http://mixednews.ru/archives/59576>

¹⁹ Cebrowski, Arthur K. and John J. Garstka. Network-Centric Warfare: Its Origins and Future. U.S. Naval Institute Proceedings, January 1998.

²⁰ «Сетевая война. Дайджест по материалам открытых изданий

не о революции в военном деле или в методах ведения войны, а об объединении усилий средств разведки, управлении войсками и огневом поражении на основе новых методов сбора, обработки и передачи информации.

Российские военные эксперты Матвиенко Ю.А., Ковалев В.И. и Малинецкий Г.Г. в своей итоговой статье «Концепция «сетевцентрической» войны для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка?» справедливо замечают, что сетевцентрическая война «не может определять формы и виды ведения боевых действий, представляя собой лишь новую систему взглядов на управление вооруженными силами и боевыми средствами, ориентированную на достижение информационного превосходства над противником и предусматривающую увеличение их боевого потенциала за счёт создания единой информационно-коммуникационной сети, связывающей датчики (источники данных), лиц, принимающих решения и исполнителей (средства поражения), а не за счёт простого количественного наращивания боевых средств («платформ»), как это было принято при организации боевых действий до настоящего времени»²¹.

Данная оценка базируется на реальных итогах военных кампаний последнего десятилетия с участием Вооруженных Сил США и их союзников, которые, несмотря на беспрецедентное использование информационных технологий, были, по большому счёту, плачевны. Об этом говорят иракская катастрофа, перешедшая сегодня в стадию формирования Исламского Государства (ранее Исламского Государства Ирака и Леванта); бесславный вывод американских и союзных войск из Афганистана, агрессия в Ливии с последующим затем убийством американского посла в Бенгази и сопутствующими этому событиями, и т. д. Практика убедительно показала, что само по себе насыщение вооруженных сил электронными технологиями, повышение роли систем сбора, обработки и передачи информации не может принести победу на поле боя, даже в противоборстве с иррегулярными формированиями и достаточно слабыми войсковыми подразделениями.

Обратимся теперь от сетевцентрических войн к другим американским военным «новеллам» последних десятилетий. Среди них выделяется концепция «мягкой силы», которая в книге «Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике»²² Джозефа Ная, относящегося к числу наиболее влиятельных представителей американского политического истеблишмента, раскрывается следующим образом: «Если Наполеон, распространявший идеи Французской революции, был обязан полагаться на штыки, то ныне, в случае с Америкой, жители Мюнхена, равно как и москвичи, сами стремятся к результатам, достигаемым лидером прогресса». И далее автор подчеркивает:

«Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны»²³.

На постах директора национальной разведки и заместителя министра обороны Дж. Най пытался на практике реализовывать свою концепцию. Однако, по оценкам подавляющего большинства политиков, а также представителей военной и разведывательной элиты, не слишком преуспел в замене «жесткой силы» на «мягкую».

Готовясь к избирательной кампании 2008 года на пост президента США, Хиллари Клинтон инициировала создание в Центре стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies, CSIS) комиссии по «мягкой силе» – «Bipartisan Commission on Smart Power», которую возглавили профессор Дж. Най, а также Р. Эрмитэдж – бывший высокопоставленный сотрудник Администрации Б.Клинтон (бывший до этого одним из руководителей американских сил быстрого реагирования). Итогом работы

²¹ http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/2013_05/ES2013-05-Kovalev_Malinetsky_Matvienko.pdf

²² Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: Public Affairs Group, 2004

²³ Джозеф Най. «Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике». – М.: Тренд, 2006

комиссии стал доклад «Более умная, более безопасная Америка». В докладе впервые был использован термин «умная власть» (власть интеллекта, smart power). Публично его впервые озвучила Хиллари Клинтон в своей речи в Сенате непосредственно перед утверждением ее кандидатуры на должность госсекретаря. В своем выступлении она сказала: «Мы должны использовать так называемую «власть интеллекта», полный набор имеющихся у нас средств: дипломатических, экономических, военных, политических, правовых и культурных, – выбирая нужное средство или сочетание средств в каждой конкретной ситуации».

Возникает вопрос, почему столь опытный и эффективный политик, как Хиллари Клинтон, дебютируя на посту главы внешнеполитического ведомства, говорила совершенно избыточные вещи о том, что внешняя политика должна использовать все рычаги воздействия, а культурная политика является одним из важных инструментов внешнеполитической активности? Но такой выбор был связан с целым рядом обстоятельств и причин.

Во-первых, еще в книге 1990 года «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы»²⁴ Дж. Най определил «мягкую силу» так: «Это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или выплат. Если Соединённые Штаты замедлят мобилизацию своих ресурсов ради международного лидерства, полиархия может возникнуть достаточно быстро и оказать свое негативное воздействие. Управление взаимозависимостью становится главным побудительным мотивом приложения американских ресурсов, и оно должно быть главным элементом новой стратегии». Х.Клинтон уточнила это следующим образом: «Америка должна научиться делать то, что другие хотят, но не могут. И делать это коллективно». Т. е. впервые в американской внешнеполитической практике глобалистские интересы и глобалистский образ действия вышли на первый план по сравнению с национальными интересами Америки.

Во-вторых, «умная власть» предусматривает использование всего арсенала инструментов, имеющихся в распоряжении США и их союзников, обслуживающих интересы наднациональной мировой элиты. Соответственно, эти инструменты могут и должны использоваться не только поодиночке, но и совместно, подкрепляя друг друга.

Наконец, в-третьих, внимательный анализ доклада, подготовленного CSIS, позволяет прийти к выводу о том, что в качестве союзников США, участвующих в глобалистских акциях, рассматриваются отнюдь не только государства. В докладе указано, что на смену пирамиде с жесткой иерархической структурой приходит «паутина разновеликих, разнокачественных и разнообразных действующих лиц, находящихся во взаимодействии». При этом становится понятным, что «в число таких акторов могут включаться не только различные государства, или их образования, но и общественные движения, политические группы, активистские группы внутри стран, на которые направлены действия». В марксистской литературе прошлого века, после гражданской войны в Испании, такие группы называли «пятой колонной». Подразумевается также взаимодействие государства с транснациональными корпорациями.

Инструментом реализации политики «мягкой», а затем «умной» силы выступает концепция и инструментарий так называемого «управляемого хаоса», разработанные Стивеном Манном, который, собственно, и не скрывал, что его концепция «управляемого хаоса» есть механизм практической реализации построений Дж. Найа. В одной из своих ключевых работ он прямо писал: «Конфликтная энергия заложена в основы человеческих свойств с того момента, когда индивидуум стал базовым блоком глобальных структур. Конфликтная энергия отражает цели, ощущения и ценности индивидуального актора – в сумме, идеологическое обеспечение каждого из нас запрограммировано. Изменение энергии конфликта

²⁴ Bound to Lead: The Changing Nature of American Power, New York: Basic Books, 1990.

людей уменьшит или направит их по пути, желательному для наших целей национальной безопасности, поэтому нам нужно изменить программное обеспечение. Деструктивная деятельность хакеров показала, что наиболее агрессивный метод подмены программ связан с «вирусом», но не есть ли идеология другим названием для программного человеческого вируса?

С этим идеологическим вирусом в качестве нашего оружия, США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека».

Манн искренне полагал, что при помощи подобного программирования можно либо «отложить создание критического состояния, либо поощрить его, и направить развитие системы в нужное русло». При этом, «в действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор».

Особо следует подчеркнуть, что Стивен Манн не имел ни математического, ни физического образования, а был специалистом по английской классической литературе, затем перешел на дипломатическую работу, где обслуживал, в основном, интересы кругов, близких к Пентагону. Впервые его концепция была обнародована спустя два года после опубликования первых работ по «мягкой силе» в 1992 году в журнале военного колледжа Армии США, в томе 22 под названием «Теория хаоса и стратегическое мышление»²⁵. Кроме своей основной работы, несколько позже он опубликовал статью «Теория сложности и политика национальной безопасности» в книге «Сложность, глобальная политика и национальная безопасность», изданной Университетом национальной обороны.

Теория «управляемого хаоса» полностью лежит в русле стратегии Белого дома и Пентагона, которая направлена на то, «чтобы предотвратить повторное появление любой новой сверхдержавы на территории бывшего Советского Союза или в каком-либо другом месте. Цель состоит в том, чтобы Соединенные Штаты Америки никогда впредь не сталкивались с угрозой, сравнимой с Советским Союзом. Это является главным фактором, лежащим в основе новых глобальных и региональных стратегий. Практически они должны обеспечить условия, которые предотвратят доминирование любой враждебной силы в регионах, ресурсы которых достаточны для создания в перспективе новой глобальной власти. К таким регионам относятся Западная Европа, Восточная Азия, территории бывшего Советского Союза и Юго-Восточной Азии»²⁶.

Данная стратегия впервые была опубликована в марте 1992 года и утверждена еще президентом Дж. Бушем-старшим, а с тех пор неуклонно реализуется сменяющимися друг друга администрациями Белого дома независимо от их партийной и прочей принадлежности.

То есть теория «управляемого хаоса» Стивена Манна ставила и ставит своей целью деструкцию территорий и ресурсных баз любых потенциальных кандидатов в новые сверхдержавы. Некоторое время её положения циркулировали в пределах государственного департамента и учебных учреждений Министерства обороны США.

Ситуация изменилась с приходом к власти Дж. Буша-младшего. Вице-президент Д. Чейни и министр обороны Р. Рамсфилд всерьез восприняли построения С. Манна. Это тем более удивительно, что когда Стивен Манн пытался получить научное признание, несколько раз выступая с разными версиями своей концепции в Институте сложности (Санта-Фе, штат Нью-Мексико), который является одним из бесспорных лидеров в сфере изучения нелиней-

²⁵ <http://spkurdyumov.ru/what/mann/>

²⁶ Выдержки из «Руководства Пентагона по предотвращению повторного появления нового соперника», опубликованное газетой New York Times 08.03.1992 г.

ных, неравновесных процессов, они всякий раз подвергались уничтожающей критике. Итог-факт, что пропагандист-популяризатор последовательно получал ряд ключевых должностей, лишней раз подчеркивает уровень некомпетентности и дилетантизма, воцарившегося в официальном Вашингтоне за последние десятилетия. Итоги работы Стивена Манна в разных «горячих точках» говорят сами за себя.

подавляющая часть проблем, с которыми сталкиваются в настоящее время Соединенные Штаты в самых разных уголках планеты, от Египта до Ирака, от Нигерии до Афганистана, являются результатом их же собственных неразумных, авантюристических действий, в значительной степени связанных с реализацией стратегии «управляемого хаоса».

Любой выпускник приличного университета или человек, повзрившийся в бизнесе, военном деле, или побывавший в «горячих точках», если задать ему вопрос об «управляемом хаосе», без колебаний ответит, что речь идет об оксюмороне. Хаос можно организовать или создать, но управлять им еще никто не научился. Поэтому после каждого вмешательства американцев остаются несостоявшиеся государства (fail state) и зоны перманентных боевых действий, типа Сомали, Йемена, Афганистана, Ирака и других стран Ближнего Востока, лесных районов Колумбии и т. п. В свою очередь, эти регионы становятся рассадниками мирового терроризма, наркотрафика, работорговли, торговли оружием и т. п. И всё это, так или иначе, проникает в Америку и Европу.

В общем, концепция «управляемого хаоса», которую более правильно было бы назвать концепцией «управляемой организации хаоса», обернулась вторжением хаоса в сами Соединенные Штаты и другие страны Запада.

Запад в поисках новых решений

Однако, нельзя не признать, что американский истеблишмент, несмотря на множество сложностей и недостатков, способен быстро учиться не только на своих, но и на чужих ошибках. Поэтому с начала 2010-х годов теория С. Манна перестала применяться во внешнеполитической практике США.

Еще одним, до поры до времени – эффективным, методом реализации стратегий «мягкой», а затем «умной» силы были «цветные революции», технология которых была обожжена и разработана в комплексе работ Джина Шарпа о так называемых «ненасильственных революциях». Шарп ставил перед собой задачу классифицировать, кодифицировать и привязать к конкретным ситуациям все наблюдавшиеся в истории методы ненасильственных действий. В итоге, в своей работе «Power and Struggle (Politics of Nonviolent Action, Part 1)» («Власть и борьба (Политика ненасильственных действий, часть I)»), изданной еще в 1973 году, он выделил 198 методов ненасильственного протеста и убеждения.

Теории Шарпа всегда сопутствовал некий флёр мошенничества. Ведь, начиная ненасильственные действия, оппозиция, революционеры и гражданские активисты ВСЕГДА провоцируют власть на неоправданное насилие или на неадекватное насилие. А когда это происходит, выдвигают лозунги о необходимости **ВООРУЖЕННОЙ** борьбы с «кровавой» властью. Поэтому грань между ненасилием и вооруженным мятежом провести сложно, а зачастую она вообще отсутствует. Если власть не делает ошибок, то ей помогают это сделать. В принципе, такие провокационные методы известны давно. И не Шарп – их основоположник. Достаточно вспомнить, например, деятельность Александра Парвуса во время русской революции 1905 года.

Особенностью сегодняшнего момента в переходе от ненасилия к вооруженному мятежу и перевороту следует признать разве что использование современных **ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**. Онлайн-трансляции с места событий мгновенно втягивают в

сами события огромные массы людей. Недавний пример арабских революций и «евромайдана» – наглядное тому подтверждение.

Летом 2013 года в ведущем учебном центре по подготовке специалистов по «оранжевым» революциям, во Флетчеровской школе Университета Тафтса, (Массачусетс, США) совместно с Международным центром по ненасильственным конфликтам (ICNC), который является ведущим центром по разработке методов сопротивления власти, была проведена в полузакрытом режиме большая конференция «Ненасильственное сопротивление: вчера, сегодня, завтра».

Работа конференции была выстроена вокруг обсуждения доклада М.Стефан и Э.Ченовез «Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict». В докладе излагались результаты статистического исследования всех гражданских конфликтов в мире за 1985–2013 годы. По итогам анализа выяснилось, что движения гражданского сопротивления добились успеха в 55 % зафиксированных случаев, тогда как военные противостояния власти имели успех только в 28 %. В итоге был сделан вывод о том, что «гражданские ненасильственные кампании обеспечивают устойчивый переход к демократии в два раза чаще, чем вооруженное противостояние с властью».

Однако, наряду с этим привычным выводом, на конференции выяснилось, что за последние 15 лет наиболее эффективными (почти в 70 % случаев) оказались смешанные стратегии. К смешанным стратегиям относились гражданские ненасильственные кампании, которые сопровождалась либо угрозой силового противостояния с властью, либо точечными вооруженными акциями. Соответственно, был сделан вывод о необходимости разработки теории, а главное детального практического инструментария для гибридного гражданского сопротивления, включающего как ненасильственные методы, так и целевые вооруженные акции или угрозы применения силы против власти.

В конце 2013 года один из самых известных и авторитетных американских военных теоретиков генерал Стэнли МакКристалл, на презентации своей книги «My Share of the Task: A Memoir» сказал: «Если наши силы специального назначения, морская пехота, армия, флот, сухопутные войска справляются со своими задачами, то их усилия полностью сводятся на нет политиками и экспертами. У нас негодная доктрина противоборства. Пора засучить рукава и браться за разработку новой».

Изложенное выше полностью относится и к теме формирующейся военной доктрины США и Запада в целом. В конденсированном, целостном виде она не представлена на сегодняшний день ни в одном открытом, в т. ч. платном источнике. Поэтому попробуем осуществить сборку сведений о формирующейся доктрине, ее инструментарии и методах из тех фрагментов, которые можно обнаружить в различных, в том числе неожиданных источниках.

В августе 2014 года генерал Филипп Бридлав, командующий НАТО в Европе, дал развернутое интервью ведущей германской газете Die Welt, где, в частности, сказал: «Наша большая проблема на самом деле – новый вид ведения войны. Мы работаем над этим... На военном жаргоне это называется DIME: дипломатия, информация, вооруженные силы, экономика»²⁷.

Бридлав впервые на официальном уровне презентовал DIME-войны для широкой публики. Однако, еще в мае 2014 года австралийский Институт стратегической политики, один из главных «мозговых танков» (think tank) Запада в сфере стратегической и тактической военной мысли, провел конференцию «Стратегия и ее недостатки». В конференции участвовали ключевые политические деятели Австралии, включая членов правительства, а также

²⁷ http://www.welt.de/print/welt_kompakt/article131322212/Keine-Nato-Nationwill-Eingreifen.html

старшие офицеры вооруженных сил, эксперты и аналитики не только из «страны кенгуру», но также Австралии, США, Великобритании, Южной Кореи. В ходе конференции был обозначен новый подход к военным конфликтам. По мнению участников, западные страны должны взять на вооружение концепцию «комплексных насильственных противоборств», включающих в себя как единое целое политическое силовое доминирование, военные конфликты в традиционном виде, информационные операции, а также меры по финансовоэкономическому принуждению противника к миру на условиях западных стран ²⁸.

Ключевым для понимания данной доктрины является материал, подготовленный бывшим командующим войсками в Афганистане, а ныне одним из руководителей института Брукинга полным («четырёхзвёздным») генералом Джоном Алленом и генерал-лейтенантом в отставке, известным военным теоретиком, членом совета директоров нескольких крупнейших корпораций Дэвидом Дептулой к конференции, проведенной летом 2014 года Брукингским институтом (Вашингтон) и фондом Петера Петерсона «Новая оборонная стратегия США для новой эры: военное превосходство, быстрота и эффективность» ²⁹, где впервые был введен концепт «DIMET-операций на основе эффектов» как основного типа гибридных войн в обозримом будущем.

Рассмотрим этот концепт более подробно. Аббревиатура DIMET расшифровывается как: дипломатия, информационные операции, вооруженные силы, экономика (включая финансы) и технологии. Понятно, что это – расширенная версия концепции, публично обнародованной генералом Ф.Бридлином, который «умолчал» об аспекте технологий.

Использование термина «операции на основе эффектов» связывают новый подход с одним из господствующих направлений военной мысли и практики на Западе. Впервые концептуальные основы и практические формы реализации «операций на основе эффектов» были разработаны полковником ВВС США Джоном Уорденом в ходе подготовки операции «Буря в пустыне». В развернутом виде этот подход получил название «Теории пяти колец», которая была впервые опубликована в статье «Враг как система» в 1995 году ³⁰. Концепция «операций на основе эффектов» построена на модели современного государства-нации, представляющей собой структуру из пяти концентрических колец. Центральное кольцо или круг олицетворяет лидеров и руководящие органы государства – наиболее критический и важный элемент, окруженный и защищенный четырьмя остальными. Во второе кольцо входят производственные объекты и структуры, которые в значительной мере определяют национальную мощь. Третье кольцо – это логистическая, транспортная и энергетическая инфраструктуры. Четвертое кольцо – народонаселение и основные формы его деятельности. И наконец, пятым, внешним кольцом являются вооруженные силы ³¹. В рамках «операций на основе эффектов» реализуется принцип «изнутри-вовне». Иными словами, чем ближе к сердцевине пяти кругов нанесен удар, тем быстрее, с меньшими затратами ресурсов и с большими результатами может быть завершён конфликт.

В начале нынешнего века генерал Дэвид Дептула, один из авторов данной концепции, значительно расширил теорию и практику «операций на основе эффектов». В своей работе он предложил рассматривать любой военный конфликт не только с точки зрения традиционных военных действий, но и включая в него дипломатический, информационный и экономический аспекты. Он предложил рассматривать врага как целостную систему и главной целью операции ставить разрушение связей внутри этой системы. По его мнению, «это расширенное представление обеспечивает более эффективные пути к достижению националь-

²⁸ Strategy and its discontents: The place of strategy in national policymaking ASPI Sydney, 2014.

²⁹ A New US Defense Strategy for a New Era: Military Superiority, Agility, and Efficiency. 2, NY 2014.

³⁰ Warden J. The Enemy as a System. Airpower Journal, Spring 1995.

³¹ Савин Л.В. «Сетецентрическая и сетевая война. Введение в концепцию», «Евразийское движение», М.: 2011

ных целей и позволяет рассматривать формирование среды для сведения любой острой проблемы к минимуму в интересах США»³².

Применительно к материалу Д. Аллена и Д. Дептулы осталось рассмотреть концепт «гибридных войн». В настоящее время этот термин крайне популярен среди военных: как практиков, так и теоретиков. Он завоевал признание экспертного сообщества, а в последнее время, особенно в связи с событиями в Ливии, Сирии и на Украине, широко используется и в медиа-пространстве. Франк Хофманн, один из авторов концепции «гибридных войн», характеризует их как «полный арсенал различных видов боевых действий, включая конвенциональные возможности, иррегулярную тактику и формирования; террористические акты, включая беспорядочное насилие и криминальные беспорядки. Гибридные войны могут вестись как государством, так и различными негосударственными акторами»³³. Буквально за последние месяцы термин «гибридная война» стал трактоваться еще шире. В частности, в приведенном выше интервью Ф. Бридлава прямо говорится, что «DIME-конфликты – это и есть современные «гибридные войны». По сути, сегодня под «гибридными войнами» понимают любые насильственные конфликты, в которых соединились физическая и психологическая, военная и невоенная составляющие. Если раньше можно было четко отделить друг от друга политическое принуждение и вооруженные столкновения, обычную войну и террористические операции, финансово-экономические диверсии и партизанскую герилью, то сегодня всё это представляет собой некое единое и подчас неразделимое целое.

Именно в этом основной пафос и одновременно практический смысл концептуальной, основополагающей статьи Д. Аллена и Д. Дептулы. Характерно, что этот материал внимательнейшим образом проштудировали не только в штабных кабинетах и на военных базах, но и в политических коридорах. В сентябре Б. Обама предложил Д. Аллену возглавить координационный штаб по борьбе с Исламским Государством, ранее называвшимся Исламским Государством Ирака и Леванта.

Хотелось бы обратить внимание и на еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. В своем материале авторы критикуют американских военных теоретиков и практиков за отставание по сравнению с военными мыслителями из других стран. В частности они указывают, что понимание войны как комплексного конфликта, ведущегося во всех сферах возможного противоборства, было еще в 1999 году сформулировано двумя китайскими генералами Куиао Лиангом (Qiao Liang) и Вангом Хиангсуи (Wang Xiangsui) в знаменитой книге «Война без правил» («Unrestricted Warfare»). Это понимание легло в дальнейшем в основу разработки практических мероприятий по ведению жесткого противоборства НОАК. В 2009 году о необходимости принятия на вооружение армией Израиля концепции системного, превентивного противоборства, включающей армейские, политические, информационные, включая кибернетические, и экономические аспекты, говорил известный израильский политический деятель, министр обороны Эхуд Барак.

С учётом вышеизложенного необходимо сделать один, весьма важный и принципиальный практический вывод. До последнего времени некоторые российские военные теоретики и практики считали использование термина «война» применительно к информационным, экономическим, технологическим противоборствам неадекватным и некорректным для специалистов-профессионалов. Однако жизнь в очередной раз оказалась богаче устоявшихся представлений о ней. Это, кстати, отлично понимали и классики военной стратегии, кото-

³² Deptula, David A. *Effects-Based Operations: Change in the Nature of Warfare*, Arlington, VA: Aerospace Education Foundation, 2001.

³³ Hoffman, Frank G. *Future Threats and Strategic Thinking*. *Infinity Journal*, № 4, Fall 2011

рые, например, как Клаузевиц, называли войну «изменчивым хамелеоном», или, как Сунь-Цзы, описывали ее при помощи метафоры «переменчивого и стремительного потока воды».

Бесспорным фактом сегодня стало то, что жесткие информационные, финансово-экономические, политические, технологические конфликты в полном и прямом смысле этого слова стали войной. А если что-то выглядит как утка, крикает как утка, ходит, как утка, и летает, как утка, – то это, наверняка, всё-таки утка, а не поросёнок. Поэтому всегда лучше называть вещи своими именами.

Еще раз об «информационных войнах»

В этой связи – особенно, принимая во внимание перетекание акцентов системных конфликтов из материально-вещественной формы в информационную, – представляется важным не в умозрительно-теоретическом, а в практически-прикладном плане разобраться с феноменом информационных войн.

В этой сфере и у нас, и за рубежом подчас наблюдается значительная путаница. Например, даже один из основоположников теории информационных войн и разработчиков их практических аспектов М.Либитски выделяет то пять, то семь видов информационной войны³⁴.

Представляется, что и в практическом, и в содержательном плане можно выделить три основных типа информационных войн. Это – ментальные или психологические войны, кибервойны и поведенческие войны.

Ментальные (психологические), и кибервойны разделяются по объектам и средствам боевого воздействия.

Ментальные (психологические) – это контентные войны, имеющие своей целью изменение массового, группового и индивидуального сознания или психики. В процессе ментальных войн идет борьба за умы, ценности, установки и т. п. Ментальные войны велись задолго до интернета, насчитывают историю, измеряемую даже не сотнями, а тысячами лет. Интернет просто перевел эти войны на качественно иной уровень интенсивности, масштаба и эффективности.

Что же касается кибервойн, то это целенаправленное деструктивное воздействие информационных потоков в виде программных кодов, на материальные объекты и их системы. Бывший высокопоставленный чиновник, а ныне эксперт по безопасности Правительства США Ричард А. Кларк дал такое определение:

«Кибервойна – это действие одного национального государства с проникновением в компьютеры или сети другого национального государства для достижения целей нанесения ущерба или разрушения»³⁵.

По де-факто сложившемуся, но юридически не закреплённому мнению подавляющего большинства военных и специалистов по информационной безопасности (вне зависимости от их страновой принадлежности), под кибервойнами понимают целенаправленные действия по причинению ущерба, перехвату управления или разрушению критически важных для функционирования общества и государства сетей и объектов, производственной, социальной, военной и финансовой инфраструктуры, а также роботизированных и высокоавтоматизированных производственных, технологических линий и т. п.

Ментальные и кибервойны представляют собой две разновидности войн, ведущихся в сетевом электронном пространстве, которое охватывает не только интернет, но и закрытые государственные, военные, корпоративные и частные сети. Для каждого из этих двух типов

³⁴ Martin C. Libicki, *Cyberdeterrence and Cyberwar*, RAND Corporation, 2009

³⁵ Ричард А. Кларк. «Кибервойна». – М.: Эксмо, 2010.

войн свойственны свои инструментарии, методы, стратегии и тактики ведения, закономерности эскалации, возможности предупреждения и т. п.

Отдельная тема – это поведенческие войны. В настоящее время практически невозможно найти западные публикации, посвященные данной теме. В значительной степени это связано с ее чрезвычайной деликатностью, в том числе для западного общественного мнения. Кроме того, комплекс возможностей для ведения полноценных поведенческих войн появился лишь недавно в связи с накоплением огромных массивов объективной информации о человеческом поведении, в том числе – о поведении социальных и иных групп сколь угодно большой размерности. Эти сведения большей частью содержатся в интернете, который по факту является огромным поведенческим архивом.

Возможности поведенческих войн связаны с инструментарием, разрабатываемым на стыке когнитивных вычислений, Больших Данных и междисциплинарного комплекса поведенческих наук. Давно и хорошо известно, и особый вклад внесли в это российские психологи, что человеческое поведение в значительной мере зависит не только от наших представлений, ценностей, убеждений, но базируется прежде всего на стереотипах, привычках, поведенческих паттернах, а также складывается под воздействием формальных и неформальных социальных институтов.

Доказано, что человек по своей психофизиологии, как и любое живое существо, склонен к решению задач с наименьшей затратой энергии и других ресурсов. Поэтому, как неопровержимо установили исследователи, значительная часть нашего поведения осуществляется в своего рода полуавтоматическом режиме, на основе привычек и стереотипов³⁶. Это касается не только элементарных поведенческих функций и стандартных жизненных ситуаций. Наши привычки, поведенческие паттерны, культурные стереотипы и т. п. оказывают серьезное воздействие даже в сложных ситуациях выбора, казалось бы, требующих глубоких размышлений и мобилизации ресурсов сознания³⁷.

При этом хорошо известно, что человеческая деятельность не сводится к человеческой психологии или работе психики. Она в значительной мере носит социальный характер.

Арсенал поведенческих войн как принципиально нового вида информационной войны основан на технологиях манипуляции алгоритмами поведения, привычками, стереотипами деятельности, вложенными в нас социумом в самом широком смысле этого слова. Грубо говоря, инструментарий поведенческих войн состоит в том, чтобы отделить привычку от сложившегося вида деятельности, сформировавшей ее ситуации, и использовать поведенческие паттерны для достижения иных целей. Поведенческое оружие – это оружие завтрашнего дня. Именно под него заточен только что пущенный в эксплуатацию супергигантский по своей информационной емкости, центр АНБ в штате Юта, который аккумулирует массивы поведенческой информации, охватывающие практически всё человечество. Именно на этот: не только не афишируемый, но и засекреченный новый вид вооружений, – возлагаются частью американских элит наибольшие надежды в жестких противоборствах ближайшего будущего. Именно тема поведенческих войн в наибольшей мере табуирована и засекречена в мировом информационном пространстве, как в годы Второй мировой секретились все данные по «атомному проекту». Более того, ведущие американские масс-медиа, наиболее популярные блоггеры и другие источники публичной информации получили из Вашингтона негласную рекомендацию: при появлении каких-либо материалов на тему поведенческих войн дискредитировать их любыми доступными средствами, начиная от обвинений

³⁶ Чарлз Дахигг «Сила привычки. Почему мы живем и работаем именно так, а не иначе». – М.: Карьера Пресс, 2014

³⁷ Cass R. Sunstein «Why Nudge?: The Politics of Libertarian Paternalism (The Storrs Lectures Series)», Yale University Press, 2014

в конспирологии, и заканчивая доказательством о якобы технологической невозможности ведения таких войн³⁸.

Война: новое лицо

Сегодня всё четче проступает новое лицо войны, которую Запад ведёт против России. Она, как это предвидели и предсказывали, например, в своё время Д.Оруэлл и С.Лем, становится все более трудно определимой, маскирующейся под мир. На наших глазах стирается граница между войной и миром и формируется – по крайней мере, на обозримое будущее – новая реальность: «войномира» или «мировойны». В этой, неудобной, жестокой и некомфортной реальности предстоит жить всем. И наша страна здесь – не исключение. Ей уже сегодня брошены прямые и жесткие вызовы, созданы новые, в том числе непривычные, угрозы.

В ходе нарастающего глобального системного кризиса индустриализма в его поздней стадии финансизма, любые жесткие насильственные противоборства неизбежно приобретают характер войн за будущее. Такого рода войны ведутся во имя решения трех задач.

Во-первых, для выигрыша времени, необходимого для нахождения путей выхода из кризиса. Войны за время – самые жестокие войны, поскольку во многих случаях они предполагают лишь одного выжившего, забравшего себе временной ресурс всех проигравших. Во-вторых, это войны за ресурсы, в том числе не только за полезные ископаемые, производственный потенциал и т. п., но и, во всё большей степени, – за воду, другие рекреационные ресурсы, нетронутые территории, которые могут стать основой новых техноценозов и т. п.

В-третьих, это войны, главной целью которых становится не обладание каким-либо ресурсом, а десубъективизация противника, превращение его из активного, деятельного актора, играющего свою роль в мировой политике, а главное – имеющего собственное культурное и цивилизационное лицо, – в объект, инструмент для решения тех или иных задач победителя военного конфликта.

В нынешних конкретно-исторических условиях Запад (с учетом отмеченной выше условности применения данного термина) главные усилия против России сосредоточил на экономическом и технологическом измерении DIMET-операций на основе эффектов.

Связано это, прежде всего, с тем, что боеготовность российской армии, ее техническая оснащенность и навыки ведения современных, в том числе «гибридных», «прокси-» и «асимметричных» войн оцениваются на Западе достаточно высоко. На ведущих американских военных интернет-ресурсах особо отмечается искусство осуществления операций в рамках гибридных войн, продемонстрированное Россией в Крыму³⁹. Несмотря на достаточно жесткую форму противоборства России, США, Евросоюза, НАТО в ходе украинского кризиса высшие должностные лица западных стран и союзов, включая Б.Обаму, нового Генерального секретаря НАТО Й.Столтенберга, Ф.Бридлива и других не устают повторять, что «горячий» военный конфликт между Россией, США и НАТО просто немыслим в современном мире. Искренностью эти высказывания, конечно, не отличаются. Однако вполне очевидно, что традиционный военный конфликт напрямую с Россией – это последнее, на что готов пойти сегодня Запад. Так же скептически Запад рассматривает свои шансы на дипломатической арене. Тому много причин, включая постоянное членство России в Совете Безопасности ООН, блокирование по многим ведущим вопросам мировой политики России, Китая, Индии, Бразилии, противоречия внутри Европейского Союза и т. п.

³⁸ Е.Ларина, В.Овчинский «Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден». – М.: Книжный мир, 2014

³⁹ <http://www.stripes.com/news/saceur-allies-must-prepare-for-russia-hybridwar-1.301464>

До недавнего времени большие надежды в конфронтационной плоскости Запад связывал с информационными войнами. Однако, за последнее время ситуация изменилась и здесь – вследствие сложной комбинации разнообразных факторов. Среди них, прежде всего, следует выделить целенаправленные и согласованные действия России, Китая и присоединившихся к ним многочисленных стран, традиционно относимых ко «Второму миру»⁴⁰, по радикальному ослаблению контроля США над интернет-пространством и защите собственного «цифрового суверенитета». Свою роль сыграли и разоблачения Э.Сноудена, заметно изменившие отношение к информационной политике США со стороны их западных партнеров. Наконец, немаловажную роль сыграл переход России от оборонительной к наступательной стратегии в информационном противоборстве, включая задействование таких инструментов, как Russia Today, блоггерские сообщества и т. п. По мнению подавляющего большинства серьезных аналитиков, в сфере ментальных войн Запад утратил технологическое и кадровое превосходство, и перешел от наступления к обороне.

Огромные надежды в сфере информационного противоборства связываются на Западе с инструментарием поведенческих войн. Однако пока здесь только завершаются подготовительные мероприятия, и реальное применение поведенческих войн ожидается только через два-три года⁴¹.

В этих условиях фактически безальтернативными полями войны Запада против России стали поля экономики и технологии. Традиционным инструментом, используемым в этих сферах, является механизм санкций, который, в том или ином виде, действует уже более 200 лет.

Теме экономических и технологических санкций посвящено огромное количество работ. Она постоянно обсуждается на многочисленных открытых и закрытых площадках. Наибольшим авторитетом на Западе в этой сфере пользуются основополагающие труды, посвященные теоретическому и эмпирическому анализу санкций за последний век, авторами которых выступили Г.Хофбауэр, Д.Скотт и К.Эллиотт, а также Б.Тейлор⁴².

При этом экономические санкции, на которых в значительной мере сосредоточено внимание общества, несмотря на всю их внешнюю грозность, носят дополняющий характер и являются своего рода вспомогательными санкциями по отношению к технологическим. Любые ограничения по доступу к рынкам капитала даже в краткосрочной перспективе, измеряемой интервалом порядка полутора-двух лет, не могут оказать сколько-нибудь заметного воздействия на российскую экономику. В настоящее время огромные объемы инвестиционных ресурсов и свободных финансовых средств имеются на рынках Китая, Ближнего Востока, в таких финансовых центрах, как Гонконг, Сингапур и т. п. В современном мире единственный ресурс, который наличествует в избытке, это – деньги. Именно с переизбытком данного ресурса связана происходящая на наших глазах повсеместная инфляция активов, выражающаяся в росте курсов акций и различного рода индексов. Высшие китайские должностные лица уже сделали заявления о своей готовности заместить западные финансовые институты на рынках кредитования и инвестирования в российскую экономику. Поэтому сами по себе финансовые санкции неприятны, но малорезультативны. Это угрозы, которые несложно отразить даже с использованием стандартных финансово-инвестиционных инструментов.

⁴⁰ Параг Ханна, Второй мир, Европа, М.: 2010

⁴¹ Е.Ларина, В.Овчинский, Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден, М.: Книжный мир, 2014.

⁴² Gary Clyde Hufbauer, Jeffrey J. Schott, Kimberly Ann Elliott «Economic Sanctions Reconsidered», Peterson Institute for International Economics; Third edition, 2009. См. также Brendan Taylor «Sanctions as Grand Strategy», Routledge, 2010.

Пожалуй, единственно серьезными и крайне разрушительными санкциями стали бы отключения российских банков от SWIFT и других международных расчетно-платежных систем.

С технологическими санкциями дело обстоит сложнее. Несмотря на глобализацию экономики, соответствующей ей технологической глобализации не произошло. В результате налицо достаточно серьезная диспропорция между динамикой и масштабами экономической мощи и объективными характеристиками технологического лидерства. Соединенные Штаты, Германия, Франция, Великобритания, Япония, Израиль и ряд других западных стран по-прежнему концентрируют в своих руках собственность на основные критические технологии⁴³. Это, хотя и неприятная для нас, но реальность. Зачастую ее пытаются опровергать ссылками на экспоненциальный рост новых патентов в Китае и частично в Индии, как показатели резкого возрастания их научно-технологической мощи. Также используется индекс роста совокупных расходов на НИОКР. Однако, это не вполне так. Детальный анализ патентов и структуры расходов на НИОКР показывают, что подавляющая их часть относится к так называемым «улучшающим инновациям», т. е. различного рода техническим изобретениям, совершенствующим уже найденные технологические решения. Они не имеют прямого отношения к прорывным критическим технологиям и не ведут к изменению структуры страновой собственности на основные пакеты технологий.

Параллельно этому следовало обратить внимание на еще одно обстоятельство, совершенно ускользающее от внимания аналитиков и ни разу не упомянутое в российской и зарубежной открытой печати. По результатам разоблачений Э.Сноудена, уже после того, как прошла первая волна сенсационных материалов, Лаура Пойнтрасс на основе переданных ей Э.Сноуденом материалов, опубликовала статью о роли, возможностях и инструментах АНБ в тотальном контроле и шпионаже в отношении мировых финансовых потоков, доходящих до уровня сплошного скрининга всех финансовых транзакций, осуществляемых по системе SWIFT⁴⁴. Известно также, что с 2011 года в США под другим названием была, по сути, реанимирована программа Socrates⁴⁵, нацеленная, помимо прочего, на мониторинг конкурентоспособности не только отраслей, но даже отдельных секторов и технологических блоков и предприятий в странах- потенциальных конкурентах США. Вполне очевидно, что соединение функционала программы Socrates и возможностей АНБ позволяет американской разведке отслеживать поставки не только готовых изделий в сферах критических и высоких технологий, но и их комплектующих в любую страну мира, относимую к потенциальным конкурентам США, в том числе – через систему финансовых транзакций.

Что же касается России, то уровень информированности США об экспорте в нашу страну не только готовых изделий, но и комплектующих для производимой в стране продукции достаточно велик ввиду еще одного обстоятельства. Как известно, переговоры по вступлению в ВТО шли более десятилетия. В ходе этих переговоров детально «утраивались» пошлины и другие вопросы регулирования экспортно-импортных операций по изделиям любого типа, включая комплектующие, субстанции для переработки и т. п. Со слов переговорщиков известно, что по каждому вопросу западная сторона требовала предоставления от российских экономических органов соответствующей информации, обосновывающей ее позицию. Таким образом, по факту у западных контрагентов, действующих, несомненно, в том числе по прямому заданию разведок, скопился огромный массив сведений по структуре российского импорта, включая, опять же, не только готовую продукцию high-tes, но и ком-

⁴³ Asymmetry of technological leadership and economic power D Martin Zhao Zhen GUP NY 2014.

⁴⁴ Л. Пойнтрасс, М. Розенбах, С. Старх «Слежка за деньгами. Как Агентство Национальной Безопасности мониторит мировую финансовую систему», Шпигель. <http://hrzvedka.ru/guru/slezhka-za-dengami-kak-agentstvo-nacionalnojbezopasnosti-monitorit-mirovuyu-finansovuyu-sistem.html>

⁴⁵ President Reagan's Program to secure U.S. Leadership Indefinitely: Project Socrates, <http://projectsocrates.us/>

плектующие для её производства в нашей стране. Дополнительно была получена бесценная информация, связанная с возможностями локализации высокотехнологичного производства. Для непосвященных следует пояснить, что под безобидным словом «локализация» скрываются реальные возможности импортозамещения как готовой продукции, так компонентов и сырья, необходимого для производства готовых изделий на территории России. Информация по локализации предоставлялась для того, чтобы обосновать российскую позицию по отсрочке введения тех или иных норм ВТО, либо временного их изменения.

Таким образом, рассматривая вопросы технологических санкций, и шире, технологического противоборства следует отдавать себе отчет, что Запад располагает достаточно полной и адекватной информацией о потенциале, возможностях и сроках импортозамещения, а также о наличии или отсутствии альтернатив замены поставщиков из стран, присоединившихся к санкциям на представителей иных, более дружественных нашей стране государств. Наиболее уязвимыми в технологическом плане отраслями являются нефтегазовая, в части глубокого и сложного бурения, бурения на шельфе; нефтепереработка и нефтехимия; высокотехнологичное машиностроение, включая космическую отрасль, авиастроение, судостроение, фармацевтику и т. п. Это лишь основные из множества отраслей, подотраслей и видов производств, критически зависящих от американской и европейской продукции и комплектов, которые не могут быть заменены: либо вообще, либо без значительной потери в эффективности, – аналогами из других регионов мира, включая Китай.

Отдельный разговор об информационно-коммуникационных технологиях, в первую очередь – об их аппаратном компоненте. Следует иметь в виду, что производителями определенных классов аппаратных компонентов и готовых изделий эксклюзивно являются американские компании, либо компании других стран полностью контролируемые американским капиталом. Если в сфере бытовой электроники и техники основными производителями и частично изготовителями даже микроэлектронных компонентов стали Китай и другие страны Южной и Восточной Азии, то применительно к сложным микроэлектронным изделиям монополию по-прежнему продолжают держать США, Япония, и – в меньшей степени – Канада, Великобритания, Франция и Германия.

С учётом этого и выстроена западная стратегия введения технологических санкций. В первую очередь, были введены такие технологические санкции, как запрет на передачу технологий, поставку техники, а также различного рода компонентов и осуществления инжиниринговых работ для энергетического сектора, сектора двойных технологий, примыкающую к оборонно-промышленному комплексу. Несложно просчитать в этой логике и вероятные последующие шаги Запада.

Чрезвычайно важно обратить внимание и еще на одно обстоятельство, на которое не обращается должного внимания при рассмотрении противоборства в технологической плоскости. Технологические санкции являются ключевым, но не единственным инструментом этого противоборства. Сами по себе технологии без людей мертвы. Поэтому колоссальную роль играют различного рода научно-технические обмены, стажировки специалистов в ведущих зарубежных компаниях, и особенно – в университетах, которые давно превратились в мощнейшие научно-технические и производственные комплексы. В рамках противоборства с Россией в течение последнего года проводится явный и всё более ощущаемый курс на сворачивание такого рода контактов. Делается это без каких-либо видимо принятых директивными органами санкций и широковещательных объявлений. Просто попечительские советы университетов и различного рода фондов не выделяют гранты, закрывают темы, сворачивают программы научного и технологического обмена, а также закрывают двери лабораторий и компаний перед российскими специалистами. С учетом того, что в ведущих университетах США и Западной Европы и Японии давно уже работают межнациональные коллективы, в том числе – с широким представительством граждан Китая, Индии, Южной

Америки, такого рода акции, по сути, ведут к серьезному ограничению участия российских исследователей, разработчиков, инженеров, технологов в глобальном международном разделении труда.

Сумма технологий как оружие победы

На любую ситуацию надо смотреть открытыми глазами и не выдавать желаемое за действительное, принимая вещи такими, какими они есть на самом деле. Именно в сфере технологического противоборства Запад после крушения Советского Союза имеет наиболее заметные преимущества. Именно отсюда исходят самые опасные угрозы, потенциально способные решить исход конфликта в пользу Запада.

С учетом сделанного вывода о том, что противоборство России и Запада (понимаемого не как Запад вообще, а как конкретные властные правяще-элитные группы и контролируемые ими социальные паттерны по всему миру) носит глобальный характер, что не отменяет сотрудничества, а также возможности смягчения форм и напряженности противоборства, необходимо разработать асимметричные, оперативные, по возможности малозатратные и обязательно реализуемые на практике меры по перехвату Россией инициативы в сфере развития технологий.

Перенос противоборства в технологическую сферу, несомненно, относится к классу асимметричных конфликтов. Их теория впервые была разработана в Соединенных Штатах и Великобритании еще в 70-е годы прошлого века ⁴⁶. Однако впервые асимметричные конфликты были целенаправленно поставлены во главу угла в национальной стратегии оборонной Китайской Народной Республики, принятой в начале XXI века.

Овладение особенностями стратегии и тактики, разработка инструментария асимметричных конфликтов открывает перед более слабой его стороной возможности для победы. Так, ведущий исследователь асимметричных конфликтов Айвен Аррегин-Тофт подсчитал итоги конфликтов за последние 200 лет между крупными и маленькими странами. В результате расчета выяснилось, что в 71 % побеждает сильная сторона, и лишь в 29 % – более слабая с точки зрения наличия ресурсов. Одновременно А.Аррегин-Тофт проанализировал конфликты между сильной и слабой стороной, когда слабая сторона использовала различного рода нетрадиционные: как военные, так и невоенные, – методы. В этом случае успешность слабой стороны возросла с 29 % до 64 % ⁴⁷.

Что касается китайского варианта асимметричных конфликтов, то, согласно и официальным, и неофициальным источникам он предусматривал широчайшее использование кибероружия, которое фактически стало для Пекина своего рода фактором стратегического сдерживания. При этом надо отметить, что в современном сверхинформатизированном и взаимоуязванном мире использование кибероружия одной стороной против другой – даже в «прокси-» варианте, чревато полномасштабным военным конфликтом. Недавно принятые в США официальные документы по проблемам безопасности прямо указывают, что, в случае идентификации киберагрессора, по нему может быть нанесен удар не только средствами кибервооружений, но традиционными видами оружия, не исключая ракетно-ядерного.

Есть ли в этих условиях конвенциональные, т. е. разрешенные, не влекущие за собой риска неконтролируемой эскалации, средства для победы в асимметричных противоборствах?

⁴⁶ Дериглазова Л.В. «Асимметричные конфликты: уравнения со многими неизвестными» Т., 2009

⁴⁷ Ivan Arreguin-Toft, *How the Weak Win Wars: A Theory of Asymmetric Conflict* (Cambridge Studies in International Relations), Cambridge University Press, 2005

Еще в начале 90-х годов, опираясь на работы С.Лема «Сумма технологий» и Э.Янча «Прогнозирование научно-технического прогресса», А.Террилл опубликовал работу, посвященную возможностям использования спилловер-эффекта в асимметричных и гибридных конфликтах ⁴⁸.

Спилловер-эффект представляет собой распространение турбулентности, неустойчивости, изменения динамики из одной сферы в другую, связанную с ней. Первоначально этот феномен был открыт практически одновременно в гидродинамике и при анализе инвестиционных рынков. А.Террилл установил, что различного рода изменения внутри техносферы оказывают максимальный спилловер-эффект на политику, экономику, социум. Иными словами, процессы, происходящие внутри технологической сферы, гораздо интенсивнее и сильнее влияют на другие сферы человеческой деятельности, чем перемены, происходящие в иных ее сегментах. Открытие спилловер-эффекта технологий фактически сделало возможным целенаправленное использование технологий как инструмента и поля противоборств.

Однако спилловер-эффекты не были взяты на вооружение западной стратегической мыслью. В это время она была увлечена сетцентрическими платформами, операциями на основе эффектов, управляемым хаосом и другим инструментарием. Согласно анализу публикаций в американских военных и научных журналах спилловер-эффекты техносферы продолжают недооцениваться и сегодня. Главные надежды в настоящее время связываются с кибероружием и поведенческими войнами, а также – с совершенствованием форм конфликтов в направлении расширения практики гибридных войн.

Между тем, именно технологическое направление противоборства открывает наиболее интересные перспективы для России. На сегодня наиболее развитая и динамичная техносфера является достоянием Соединенных Штатов и союзных им стран, в первую очередь – Западной Европы и Японии. В России же техносфера за последние 25 лет испытала на себе действие разнородных деструктивных процессов. В результате мы имеем дело с классической асимметричной ситуацией, когда слабость может быть превращена в силу, а недостатки, при должном подходе, – превращены в достоинства.

Дело за малым: за разработкой и использованием инструментария, который позволит реализовать на практике спилловер-эффект и обеспечить на этой основе потенциальные возможности для управляемых дисфункций и направленных деструкций производственно-технологической, финансово-экономической и социально-политической сфер западного общества.

Иными словами, необходимо найти такие технологические артефакты, которые бы повысили турбулентность и неустойчивость техно-производственной платформы современного Запада и, как следствие, привели бы к негативной динамике и дисбалансу в финансово-экономической и социально-политической областях. Прежде всего, необходимо ответить на вопрос: а возможно ли это в принципе?

Теория длинных волн Н. Кондратьева ⁴⁹ и его последователей, теория техноценоза профессора Б. Кудрина ⁵⁰, а также концепции технологически-инвестиционных циклов К. Перес ⁵¹, технологических укладов С. Глазьева ⁵², геотехноценозов В. Криворотова – Л. Бадалян

⁴⁸ A. W. Terrill. Spillover Effect of the New War. – «Strategic Studies Institute». 1993

⁴⁹ Кондратьев Н. Д. Большие циклы экономической конъюнктуры: Доклад // Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика, 1989

⁵⁰ Кудрин Б.Н. Исследования технологических и технических систем как сообществ изделий. – техноценозов. Системные исследования, М.: 1982.

⁵¹ Карлота Перес, Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. – М.: Дело, 2013.

⁵² Сергей Глазьев, Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010.

⁵³, нелинейной социодинамики профессора Г. Малинецкого ⁵⁴ и технопакетов С. Переслегина ⁵⁵ позволяют не просто положительно ответить на поставленный вопрос, но и содержат все эвристические и методологические предпосылки для определения «суммы технологий», которая может быть использована в качестве своеобразной «технологической бомбы» России против Запада.

Под термином «технология», как правило, понимается последовательность операций, обеспечивающих воспроизводимый, заранее заданный результат при соблюдении установленных требований, условий, регламентов, а также при наличии необходимых инструментов и т. п. В обыденной жизни технологии, как правило, связываются с преобразованием природы, т. е. вещества, либо информации. Однако, строго говоря, технологии представляют собой способ преобразования чего-то во что-то и потому касаются всех сторон человеческой жизнедеятельности. Как правило, выделяется три основных типа технологий: во-первых, предметные, связанные с преобразованием вещества или самого человека; во-вторых, инвестиционно-управляющие, связанные со способами концентрации различного рода ресурсов; и, в-третьих, институциональные, связанные с организацией и взаимодействием людей в процессе использования предметных и инвестиционных технологий ⁵⁶.

Каждой группе предметных технологий соответствуют свои инвестиционно-управляющие и институциональные технологии. Еще одним важным понятием является «технологический пакет». Технологический пакет – это взаимосвязанная и взаимодействующая совокупность технологий, позволяющих получить тот или иной конечный продукт, удовлетворяющий какую-либо потребность ⁵⁷. Например, существует техно-пакет «Персональный компьютер». В рамках этого технопакета имеются различные варианты, обеспечивающие изготовление десктопов, ноутбуков, смартфонов и т. п.

«Технологическим оружием» может служить не любая технология, а лишь дестабилизирующая, т. е. повышающая неустойчивость, создающая новые проблемы и т. п. для деловой, инвестиционной, социальной и политической сред. Нужно найти те технологии, использование которых, в конечном счете, может вызвать необходимый эффект. При этом сразу же надо подчеркнуть, что само по себе наличие таких технологий и знание другой стороны конфликта о том, что они имеются у противоположной стороны, является мощным сдерживающим фактором и может привести к необходимым последствиям даже без фактического использования таких технологий.

О каких же группах технологий конкретно идет речь? Пойдём от простого к сложному. Первая группа технологического оружия – это так называемые «замыкающие» технологии ⁵⁸. Каждый технопакет имеет свою замыкающую технологию, которая связывает совокупность технологий в единое целое и делает продукт, изготовленный с использованием всех этих технологий, удовлетворяющим ту или иную потребность.

Так, например, одна из самых популярных сегодня новаций: не только в военной, но и в гражданской сфере, – дроны, или беспилотные летающие аппараты (БПЛА). Например, крупнейшие интернет-порталы переходят к доставке заказов на места при помощи небольших дронов. При этом мало кто знает, что первый такой БПЛА, британский Queen Bee, поднялся в воздух и успешно выполнил задание в 1933 году. В 60-х – первой половине 80-х

⁵³ Лусине Бадалян, Виктор Криворотов, История. Кризисы. Перспективы. Новый взгляд на прошлое и будущее. – М.: Либроком, 2012.

⁵⁴ Малинецкий Г.Г., Синергетика: Будущее мира и России. – М.: Либроком, 2008.

⁵⁵ Переслегин С., Дикие карты будущего. – М.: Алгоритм 2015.

⁵⁶ Карлота Перес, Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. – М.: Дело, 2013

⁵⁷ Переслегин С., Дикие карты будущего. – М.: Алгоритм, 2015.

⁵⁸ Переслегин С., Дикие карты будущего. – М.: Алгоритм 2015.

годов лидером в разработке и производстве БПЛА, выполняющих в основном разведывательные функции, был СССР. Затем значительная часть конструкторов, инженеров, технологов эмигрировала в США и Израиль. Теперь именно эти страны являются мировыми лидерами технологического пакета «дроны». Однако массовое использование этого технопакета, существующего уже более 80 лет, стало возможным только после создания замыкающей технологии по изготовлению микроэлектроники, которая позволяет дрону выполнять все свои функции при минимальных затратах ресурсов и при максимальных внешних помехах.

Замыкающая технология тем важнее, чем более значим для экономики и социума её технопакет. Казалось бы, получить наперед такого рода знания маловероятно. Ведь, согласно известной житейской мудрости: «знал бы прикуп – жил бы в Сочи».

Но кое-что в этом направлении уже сделано, делается и будет делаться. Так, Питер Тиль, хозяин самого известного программного комплекса «Palantir», используемого разведкой США, совместно с выдающимся математиком Шоном Горли создали компанию Quid, которая специализируется на поиске пустых технологических ниш, в настоящее время не заполненных, но крайне необходимых для дальнейшего развития тех или иных технологий. Делается это на основе анализа больших баз патентных данных и нейросетевого программирования. Государственные органы США и практически все компании из списка Fortune500 платят миллионы долларов за прогнозы Quid.

В России создана еще более мощная и эффективная система поиска замыкающих технологий для наиболее перспективных технопакетов. Система Quid построена на счетных методах и выдает большую совокупность результатов, отсеивать которые «вручную» должны уже эксперты, на решения которых, как показал Д. Канеман, сильно влияют их субъективные предпочтения и личные научные взгляды⁵⁹, т. е. велика инерционная компонента. Система «знаниевого реактора», созданная под руководством С. Переслегина, позволяет определить не только наиболее перспективные технопакеты, но и выделить в них еще несуществующие замыкающие технологии. Она была с успехом опробована в самых серьезных проектах, включая корпорацию «Росатом».

Может возникнуть вопрос: а какова нужда в подобном комплексе, если замыкающие технологии наверняка принадлежат корпорациям из списка Fortune500, которые в немалой степени интегрированы с политической элитой Запада, вступившей в конфликт с Россией? Что касается самих технопакетов, то это действительно так, а вот с замыкающими технологиями дело обстоит прямо противоположным образом.

⁵⁹ Дэниел Канеман, Пол Словик, Амос Тверский, Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. – М.: Гуманитарный центр, 2005.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.